ГЮСТАВ ЛЕ РУЖ

ТАИНСТВЕННЫЙ ДОКТОР КОРНЕЛИУС

ТОМ I

ТАЙНЫЙ АРХИВ

Relicta

Гюстав Ле Руж

Таинственный доктор Корнелиус. Том 1

«Автор»
2026

Ле Руж Г.

Таинственный доктор Корнелиус. Том 1 / Г. Ле Руж — «Автор», 2026

Новый проект издательства Relicta. Культовый французский роман 1912 года. Бульварный триллер, мелодрама и мрачная научная фантастика о человеческой природе. В своё время этой историей зачитывались и широкая публика, и парижские сюрреалисты.За десятилетия до современных триллеров Гюстав Ле Руж создал канон истории о гениальном беспринципном хирурге, овладевшем искусством «карнопластики» — перекройки человеческого лица до полной подмены личности и судьбы.Города Дикого Запада и скалистый берег Бретани, дворцы нью-йоркских миллиардеров и парижские притоны, необъяснимые похищения, горящие небоскрёбы и тайные общества. За каждым звеном этой цепи стоит невозмутимый человек в золотых очках — «скульптор человеческой плоти», о котором говорят лишь шёпотом.Первый том (эпизоды I–VI) открывает главную авантюрно-фантастическую эпопею начала XX века — в новом полном переводе с французского. Скоро в продаже второй и третий том.

© Ле Руж Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От переводчика 5
ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ — Загадка «Кровавого Крика»[1] 7
Глава II. Необъяснимое убийство 13
Глава III. Братья Крамм 18
Глава IV. «Клуб Чёрного Боба» 22
Глава V. Сенсационная тайна 27
Глава VI. Кровавая полоса 32
Глава VII. Трагическая ночь 39
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Гюстав Ле Руж
Таинственный доктор Корнелиус. Том 1

От переводчика

Роман начинается с города, который можно сделать почти как дорогую игрушку. Американский миллиардер возводит его у Скалистых гор с размахом человека, привыкшего подчинять обстоятельства своим желаниям. Здесь богатство измеряется небоскрёбами, скорость строительства сама становится зрелищем, а технический прогресс обещает исполнить едва ли не любой каприз. Уже в этих первых страницах чувствуется интонация Гюстава Ле Ружа: увлечение размахом происходящего и насмешливая наблюдательность существуют рядом.

Гюстав Ле Руж (1867–1938) сам был фигурой едва ли менее колоритной, чем его герои. В юности — богемный поэт Латинского квартала и собеседник позднего Поля Верлена, в зрелые годы — неутомимый эрудит, автор кулинарных книг, мемуаров и фантастических романов, старший друг и собеседник поэта Блеза Сандрара (в пятом эпизоде этого тома Ле Руж не без мягкой самоиронии вывел черты собственной богемной молодости в образе нищего парижского поэта Аженора Мармузье). Приключенческий роман был для него пространством свободного эксперимента. В «Таинственном докторе Корнелиусе» соединяются детективная интрига, фантастическое допущение, мелодрама и сатира. Действие легко перемещается между светскими гостиными, лабораториями и опасными предприятиями, а за внешним великолепием постепенно проступают расчёт и борьба за власть.

Особое место здесь занимает наука. В начале XX века она давала воображению всё новые поводы для восторга и тревоги. Возможность вмешаться в человеческое тело, изменить внешность — с помощью вымышленной автором «карнопластики», — расширить пределы доступного казалась одновременно обещанием и угрозой. Ле Руж разворачивает эти возможности с щедростью романиста. Читателю интересно следить и за невероятным изобретением, и за тем, какие желания оно позволяет осуществить своему обладателю.

Первоначально «Корнелиус» выходил в 1912–1913 годах отдельными популярными выпусками; весь цикл состоит из восемнадцати эпизодов, а в этом томе собраны первые шесть. Удивительным образом бульварный роман-фельетон привлёк внимание не только широкой публики, но и парижских поэтов-авангардистов и будущих сюрреалистов, ценивших Ле Ружа за дерзость фантазии и поэтическую свободу переходов. Происхождение романа чувствуется в его ритме: резкая смена сцены, новое лицо, неожиданная опасность, вопрос, ответ на который придётся подождать. Иногда повествование задерживается на подробном объяснении, иногда почти скачком переносит нас к следующему событию. Эта переменчивость составляет часть его характера.

В переводе я стремился сохранить движение рассказа, выразительность диалогов и авторскую иронию. Простая по виду фраза у Ле Ружа нередко держится на точном порядке деталей: сначала читатель видит одно, затем замечает другое, и только после этого понимает значение происходящего. Такой порядок важен для интриги не меньше, чем сами события.

Ещё одна задача — передать русский текст без нарочитой архаики, сохранив ощущение времени. Современный разговорный оборот способен сделать реплику бойкой, но вместе с тем незаметно изменить героя. Поэтому я старался искать речь естественную, допускающую и церемонность, и патетику, и ту обстоятельность, с которой автор объясняет самые необыкновенные вещи. Исторические и научные представления эпохи сохранены; необходимые пояснения вынесены в примечания.

Перед нами роман, который умеет придавать загадке осязаемую форму: город, драгоценность, человеческое лицо, дверь, за которой пока ничего не видно. Лучше всего дать ему время развернуть эту игру — и позволить себе любопытство читателя, ещё не знающего, куда приведёт очередная глава.

Андрей Брус, переводчик

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ — Загадка «Кровавого Крика»[1]

Глава I. Похищенный рубин

В конце тысяча девятьсот… года группа янки-капиталистов решила основать город посреди Дикого Запада, у самого подножия Скалистых гор. Не прошло и месяца, как новый город, ещё не имевший ни единого дома, уже соединялся тремя ветками с железнодорожной сетью Союза[2]; с самого начала его окрестили Джорджелл-Сити — по имени президента треста-основателя, миллиардера Фреда Джорджелла.

Рабочие стекались со всех сторон; уже на второй месяц были возведены три церкви и вовсю давали представления четыре театра.

Вокруг площади, где уцелело несколько прекрасных деревьев — залог будущего живописного сквера, — начали выстраиваться в ряд стальные каркасы тридцатиэтажных небоскрёбов. Это был настоящий лес металлических балок, день и ночь гудевший от мерного перестука молотов, скрежета лебёдок и хриплого пыхтения машин. В Америке стены кладут сверху вниз[3], как только собран стальной остов и налажены лифты.

Фантастическое зрелище являли собой эти воздушные жилища, примостившиеся, словно птичьи гнёзда, на вершинах исполинских стальных балок, покуда рабочие лихорадочно заделывали пролёты каркаса кирпичной кладкой, а порой даже простыми алюминиевыми плитами.

Поодаль всего за несколько часов по способу Эдисона отливали целые здания из железобетона[4].

С террасы своего дворца, где Фред Джорджелл проводил долгие часы, он с невыразимым удовольствием наблюдал, как с волшебной быстротой поднимается из земли новый город, расцветший посреди пустыни под солнцем его миллиардов.

Из какого-то суеверия миллиардер пожелал, чтобы первый камень «его города» был заложен в день рождения дочери — так, чтобы впоследствии разом праздновать первую годовщину Джорджелл-Сити и двадцатилетие мисс Изидоры.

Торжества отличались неслыханной, почти сумасбродной пышностью, под стать колоссальному богатству хозяина дома. После обеда, сервированного в зимнем саду среди кущ лимонных деревьев, магнолий, жасмина и орхидей, на лужайках иллюминированного парка начался бал; но главным гвоздём вечера оставались подарки, присланные мисс Изидоре и выставленные в небольшой гостиной рядом с зимним садом. Роскошь была поистине королевской: целые россыпи драгоценностей, самая скромная из которых стоила целого состояния.

Среди всех этих чудес особенно приковывал взгляд рубин «голубиная кровь»[5], бесподобный по величине и блеску. Такой самоцвет украсил бы диадему императрицы; ни одна из присутствовавших юных миллиардерш не владела камнем, способным потягаться с ним; впрочем, ловкие сыщики в элегантных костюмах, затесавшиеся в толпу гостей, должны были стеречь сокровища, выставленные с такой кажущейся беспечностью.

---

[1] Крик (от англ. «ручей, речка») — в североамериканской географической традиции название небольшой речки или притока. «Кровавый Крик» — буквально «Кровавый ручей». — Примеч. пер.

[2] Союз — традиционное в XIX — начале XX века наименование Соединённых Штатов Америки. — Примеч. пер.

[3] При строительстве первых каркасных небоскрёбов со стальным остовом наружные стены перестали быть несущими, и каменную облицовку нередко вели параллельно на верхних и средних этажах. — Примеч. пер.

[4] В 1906–1908 годах американский изобретатель Томас Алва Эдисон запатентовал технологию скоростной отливки монолитных бетонных домов за один приём в многоразовую чугунную опалубку. Проект широко обсуждался в мировой прессе накануне выхода романа. — Примеч. пер.

[5] «Голубиная кровь» — ювелирное обозначение самых редких и дорогих рубинов чистого густо-красного цвета с лёгким пурпурно-синеватым отливом. — Примеч. пер.

Между тем блестящая толпа, теснившаяся возле большого рубина, вскоре поредела. Драгоценностью налюбовались и уже о ней забыли: неистовые звуки оркестра из пятидесяти музыкантов властно увлекали гостей туда, где шёл бал. Слуги, положившись на бдительность сыщиков, незаметно ускользнули. Вскоре четверо полицейских — а их было четверо — остались в гостиной с подарками в полном одиночестве.

Посреди всеобщего веселья и оживления на них напала невыносимая скука: все четверо зевали наперебой.

— У меня гениальная мысль, — вдруг объявил один из них. — Раз тут больше никого нет, нам совершенно ни к чему торчать здесь вчетвером.

— То есть? — отозвались трое остальных, с живым любопытством придвигаясь поближе.

— А очень просто: двое из нас вполне могут прогуляться к буфету.

Предложение приняли единогласно и с восторгом; между маленькой гостиной и буфетом, раскинутым под открытым небом в парке, тут же наладилось непрерывное движение. Очень скоро сыщики пришли в самое радужное расположение духа; они больше не зевали, зато лица их сделались пунцовыми, и с каждой новой вылазкой к буфету они всё сильнее теряли свою безупречную выправку.

Теперь, с расстёгнутыми жилетами и сбившимися набок галстуками, они без малейшего стеснения насвистывали мотивы джиги.

В какой-то миг двое сыщиков, оставшихся на страже у рубина, заметили, что товарищи, ушедшие освежиться, всё не возвращаются.

Не на шутку встревожившись, они отправились их искать — и, разумеется, тоже не вернулись.

Маленькая гостиная опустела.

Праздник был в самом разгаре, и над прудом уже взлетали первые ракеты фейерверка, когда от гостя к гостю понёсся слух, сея повсюду ужас и смятение:

— Украли большой рубин!

— Да это невозможно! — воскликнул молодой миллиардер, инженер Гарри Дорган. — Здесь собрались исключительно почтенные джентльмены!

И всё же это была правда: пришлось смириться с очевидным — большой рубин исчез.

Кражу обнаружил старый доверенный слуга Пэддок и немедленно доложил о ней хозяину.

Эта новость повергла гостей в полнейшую растерянность: танцы оборвались, смолк даже оркестр. Отовсюду наперебой неслись расспросы, возгласы ошеломления и изумления:

— Известно, кто это сделал?

— Надо найти вора!..

— Да! Да! Любой ценой!

— Вот именно, давайте искать вора! Никто из нас не желает оставаться под подозрением.

— Пусть запрут двери, пусть нас обыщут, если нужно!

— Пусть нас даже разденут, — добавила пожилая леди, стыдливо покраснев.

Вскоре Фреда Джорджелла и мисс Изидору обступило плотное кольцо гостей, громко требовавших немедленного расследования.

Кинулись искать сыщиков и с большим трудом обнаружили их в парковых кущах — пьяных от шампанского и храпевших мертвецким сном. Их с позором вытолкали за дверь, а Фред Джорджелл на прощание пообещал, что завтра же лично похлопочет о том, чтобы их немедленно вышвырнули со службы.

Покончив с этой расправой, миллиардер повернулся к толпе гостей и, властным жестом призвав к тишине, произнёс:

— Леди и джентльмены, я абсолютно уверен в высочайшей порядочности всех собравшихся здесь гостей, равно как и в честности всех моих слуг. Я не подозреваю никого —

решительно никого. Позвольте мне не омрачать этот радостный вечер появлением полисменов и постыдной процедурой обыска. Прошу вас, сделайте милость — забудьте об этой мелкой краже, которая, впрочем, не имеет для меня ни малейшего значения.

Мисс Изидора любезно добавила:

— Это маленькая неприятность, и я уже утешилась; не стоит из-за такого пустяка прерывать наше веселье.

И девушка с улыбкой повернулась к дирижёру, который, взмахнув палочкой из чёрного дерева, подал сигнал пятидесяти музыкантам, разместившимся на увитой зеленью эстраде. Те тотчас с блеском грянули танго, чей бешеный ритм вмиг закружил в трепетном и стремительном вихре сверкающую толпу кавалеров и дам.

Мисс Изидора приняла руку молодого миллиардера, славившегося своей элегантностью, и подала всем пример.

Не прошло и четверти часа, как о краже большого рубина уже напрочь забыли. Бал продолжался с прежним задором и безудержным весельем.

Среди немногих, кто не танцевал, выделялся Барух Джорджелл, брат мисс Изидоры. У старшего сына миллиардера были резкие черты лица, тяжёлые челюсти, тонкие губы и презрительный взгляд… С первой же минуты в нём угадывался человек весьма энергичный, но высокомерный и нелюдимый.

В эту минуту он неторопливо смаковал бокал шампанского в обществе двоих господ серьёзного вида, с которыми держался на редкость почтительно.

— Итак, доктор, — обратился он к одному из них, — завтра я почти наверняка нанесу вам визит.

— Хорошо, — ответил тот, понизив голос, — но мне нужно дать вам ещё несколько наставлений…

— Здесь не самое удобное место для деловых разговоров, — возразил третий.

— Мы могли бы пойти в парк, — предложил Барух.

Оба собеседника согласились, и троица скрылась в пустынной аллее.

Между тем доверенные слуги перенесли в покои мисс Изидоры подаренные девушке драгоценности. Маленькая гостиная в стиле модерн, где они были выставлены, теперь стояла пустой и безлюдной.

Именно в эту минуту туда вошёл задумчивый молодой человек. Поглощённый своими мыслями, он вслух рассуждал сам с собой, нимало не заботясь о том, может ли его кто-нибудь услышать.

— Не может быть, — бормотал он, — чтобы вор не додумался до столь простой вещи… Придись мне самому завладеть рубином, я поступил бы точно так же… Посмотрим; вот будет любопытно, если я угадал…

Молодой человек осторожно шагнул вперёд, шаря рукой под массивным резным золочёным столом, на котором ещё недавно были выставлены драгоценности.

Вдруг у него вырвался возглас:

— Готов был побиться об заклад! — воскликнул он. — Вор попросту прилепил рубин под столешницей на каплю клея! Уж наверняка рассчитывал, что никому не придёт в голову заглянуть туда!..

Машинально он отлепил драгоценный камень, но, поразмыслив, вернул его на прежнее место и с сияющим от удовольствия лицом бросился в зимний сад.

Минуту спустя он уже подошёл к Фреду Джорджеллу.

— Одно слово, сэр, — шепнул он ему на ухо, — мне нужно сообщить вам нечто весьма любопытное.

— К вашим услугам, мистер Гарри Дорган, — отозвался миллиардер. — О чём речь?

— Да чёрт возьми, о рубине!

— Вы напали на след?

— Берите выше: я знаю, где камень… Идёмте за мной.

Властным жестом он увлёк миллиардера в гостиную в стиле модерн и указал на рубин.

У мистера Джорджелла округлились глаза.

— Благодарю вас, — вымолвил он. — Я от души рад, что камень нашёлся — как ради моих гостей, так и ради милой Изидоры.

И шутливо добавил:

— Право, жаль, что ваш батюшка, почтенный Уильям Дорган, миллиардер: из вас вышел бы первоклассный сыщик!

— Не правда ли? Вот и верный кусок хлеба на случай, если фортуна повернётся спиной. Но пока мы сделали только полдела. Рубин нашёлся — теперь нужно сцапать вора.

— И как же вы собираетесь это устроить?

— Проще простого. Оставим рубин там, где он есть. Когда наш жулик сочтёт момент подходящим, он сам явится за добычей.

— Великолепно! Доставлю себе удовольствие лично поучаствовать в поимке. Спрячемся за роялем.

— Именно так, и притушим электричество.

Инженер Гарри Дорган повернул выключатель; гостиная погрузилась во мрак. Застыв на месте и держа руки на рукоятях браунингов, оба новоявленных полисмена принялись терпеливо ждать.

Ждать пришлось недолго.

Не прошло и четверти часа, как в приоткрытую дверь осторожно проскользнул высокий человек и бесшумной тенью, ступая по густому ворсу ковра, медленно двинулся к столу.

Шаги его были неровными и неуверенными; поминутно он тревожно озирался, словно смутный инстинкт предупреждал его о присутствии тех, кто следил за ним из темноты. Наконец, успокоенный тишиной и мраком, он осмелел.

Быстрым звериным броском он метнулся к столу и нагнулся, запустив руку под столешницу.

— На месте!.. Взял!.. — глухо прохрипел он.

На миг даже сквозь темень большой рубин блеснул у него в пальцах бледным кровавым отсветом.

Но в ту же секунду Гарри Дорган вцепился ему в горло, а Фред Джорджелл повернул выключатель, залив гостиную ослепительным светом.

Разом вырвались два возгласа:

— Барух!..

— Отец!..

Человек, бившийся в железных тисках Гарри Доргана, был не кто иной, как Барух Джорджелл.

Гарри инстинктивно разжал пальцы; на несколько секунд между тремя мужчинами повисла тягостная тишина. Старый миллиардер стоял точно громом поражённый, сразу осунувшись, раненный в самое сердце.

Барух, побледневший от ярости и стыда, метал в отца и Гарри ядовитые взгляды; потом вдруг, вновь овладев собой, швырнул на стол рубин, всё ещё зажатый в стиснутом от злости кулаке, и направился к двери.

Отец преградил ему путь.

— Ты так просто отсюда не уйдёшь! — крикнул он страшным голосом. — Нет, не пройдёшь!.. Мистер Дорган, потрудитесь позвонить, пусть позовут полисменов!..

Гарри шагнул вперёд. В одно мгновение у него созрела мысль, как спасти положение.

— Сэр, — произнёс он, поворачиваясь к старому джентльмену, — не будем преувеличивать значение шутки, пускай и несколько дерзкой…

Барух всё понял с полуслова — оставалось лишь ухватиться за протянутую руку помощи. Приторная улыбка разгладила его черты, согнав с лица выражение ненависти и неумолимой жестокости.

— Успокойтесь, отец, — сказал он с фальшивым смешком, — и оставьте, прошу вас, господ полисменов там, где они есть. Как сразу же догадался мистер Дорган, я всего лишь затеял шутку над Изидорой, которая уж слишком кичится своими побрякушками. Признаюсь, вышло, пожалуй, немного дерзко, зато смех публики был бы на моей стороне. Раздевание молодых и старых леди женщиной-сыщиком стало бы презабавным зрелищем — лишний аттракцион, настоящий гвоздь вашего праздника… И потом, как вообще можно допустить, что я — ваш сын — позарился на безделушку, которая мне совершенно ни к чему и которую я всё равно не смог бы продать? Это же просто смешно!

Мысль об этой мистификации, прибавил он, пришла ему в голову при виде пьяных сыщиков, и он от души надеется, что отец не придаст этой выходке большего значения, чем придавал он сам.

Он ещё долго тянул эту оправдательную речь, а Фред Джорджелл и Гарри рассеянно его слушали.

— Всякому другому, — сурово произнёс старик, — я, быть может, и поверил бы; к несчастью, Барух, я слишком хорошо вас знаю…

— Отец!..

— Ну да ладно! — сухо оборвал его Фред Джорджелл. — Примем объяснение, столь великодушно подсказанное вам мистером Дорганом; но теперь мой долг — объявить гостям, что рубин нашёлся…

— Не могу же я рассказывать всем и каждому…

— Позвольте заметить, — вмешался инженер, — что есть простейший способ обойти это затруднение. Достаточно сказать, будто доверенная горничная мисс Изидоры ещё в начале вечера по собственному почину отнесла большой рубин обратно в сейф, — это прозвучит вполне правдоподобно.

— Да, это всё уладит, — пробормотал миллиардер. — Тогда все сочтут случившееся простым недоразумением.

Затем, повернувшись к Баруху, он проговорил ледяным тоном:

— Что же до вас, то нам предстоит серьёзный разговор. Жду вас завтра в девять часов вечера у себя в кабинете.

— Я буду точен, отец, — высокомерно ответил Барух.

И, обернувшись к Гарри Доргану, добавил не без иронии:

— До свидания, сэр; премного благодарен за ваши прекрасные идеи.

Он поклонился и вышел.

Фред Джорджелл, горячо поблагодарив инженера, попросил его сохранить события сегодняшнего вечера в глубочайшей тайне, после чего оба вернулись на бал.

Гарри Дорган почти жалел, что вмешался в историю с украденным рубином: он понимал, что в брате Изидоры отныне нажил себе смертельного врага, но не желал задерживаться на этой мысли, предвкушая удовольствие лично сообщить девушке, что драгоценный камень нашёлся.

Мисс Изидора встретила его тем приветливее, что среди множества окружавших её молодых людей Гарри был одним из немногих, к кому она испытывала искреннюю симпатию.

Оставив отца, Барух направился в пустынную аллею парка к тем двум джентльменам, с которыми мы уже видели его за беседой.

— Какие новости? — понизив голос, спросил старший из них.

— Никаких! — с глухой яростью буркнул Барух. — Дело сорвалось.

— Весьма прискорбно, — холодно заметил собеседник. — Камень был хорош.

— Тут уж ничего не попишешь, но у меня на примете кое-что другое.

— О чём речь?

— Позвольте мне до поры до времени сохранить это в тайне.

— Дело ваше, — отозвался второй джентльмен. — Вы знаете, на каких условиях мы согласны оказывать вам поддержку.

На этих загадочных словах Барух распрощался со своими собеседниками. Он был унижен и взбешён. В ярости он вернулся в небольшой павильон в глубине парка, служивший ему лабораторией и библиотекой, ибо Барух Джорджелл, весьма невежественный во многих других вопросах, был недурным химиком.

Вскоре после его ухода Гарри Дорган и мисс Изидора оказались у буфета рядом с теми двумя джентльменами, которых только что покинул Барух.

— Кто эти два господина? — спросил он девушку. — Признаться, их хитрые и лукавые физиономии мне совсем не по нраву.

— По-моему, мастер Гарри[6], ваши предубеждения несправедливы, — ответила она. — Эти джентльмены — родные братья — пользуются в Джорджелл-Сити самой почтенной репутацией. Старший, тот, что гладко выбрит и носит золотые очки, — знаменитый доктор Корнелиус Крамм, которого прозвали «скульптором человеческой плоти».

— Я слыхал о его поразительных трудах, о нём отзывались с величайшей похвалой; ну а другой?

— Это его брат Фриц Крамм, богатый торговец картинами и предметами искусства.

На этом Гарри Дорган расспросы прекратил.

В этот миг первые солнечные лучи пробили шатёр листвы. При их свете померкли огни иллюминации и стали видны бледные, утомлённые лица танцующих дам. Началось всеобщее бегство. Пока изнемогшие музыканты без всякого воодушевления доигрывали последнюю пьесу, гости миллиардера спешили к своим автомобилям, выстроившимся в ряд перед крыльцом на парадном дворе.

Праздник окончился.

[6] В англоязычном этикете обращение «мастер» («молодой хозяин») относилось к мальчикам и несовершеннолетним юношам; во французской приключенческой прозе начала XX века оно нередко использовалось расширительно как светское обращение к молодым джентльменам. — Примеч. пер.

Глава II. Необъяснимое убийство

Рабочий кабинет Фреда Джорджелла был устроен с безукоризненным пониманием комфорта и дивно оснащён для той колоссальной организационной работы, которой требовали необъятные предприятия миллиардера. Электрические радиаторы и вентиляторы на жидком воздухе поддерживали здесь в любое время года ровную, мягкую температуру; пять телефонов и две станции беспроволочного телеграфа обеспечивали быструю связь со всеми городами мира; великолепные электрические картотеки вмещали мириады промышленных и научных досье по самым разнообразным делам.

Миллиардер чувствовал себя по-настоящему дома лишь в этом кабинете: днём его заливали светом широкие, во всю стену окна, выходившие в парк и на город, а по вечерам озаряли ртутные лампы, разливавшие нежное лазурное сияние[7]; именно отсюда улетали приказы о покупке и продаже, порой обрушивавшие котировки на биржах всего земного шара.

Только что пробило девять, и Фред Джорджелл заканчивал отправку нескольких срочных писем перед отъездом в свой клуб, когда вошёл Барух.

С самым спокойным видом он почтительно поклонился отцу и остановился перед ним в уважительной позе подчинённого, ожидающего выговора.

Мгновение отец и сын смотрели друг другу прямо в глаза; первым отвёл взгляд Барух.

— Я явился, как вы приказали, — подобострастно произнёс он. — Жду ваших распоряжений.

Этот тон притворной вежливости мгновенно вывел из себя старого джентльмена: лицо его побагровело, глаза метнули молнии.

— Вы вор, — резко бросил он, — мне стыдно иметь сыном такого негодяя, как вы! Будь у вас хоть капля чести, вы пустили бы себе пулю в лоб.

— У меня нет ваших предрассудков на этот счёт, — отозвался Барух, пожимая плечами с презрительной иронией. — Я полагал, между нами решено, что история с большим рубином была лишь забавным фокусом, остроумной шуткой.

— Неужели вы думаете, — вскричал миллиардер страшным голосом, — что я хоть на секунду обманывался на ваш счёт! Я знаю, на что вы способны! Мне уже доводилось видеть вас в деле — припомните-ка поддельные векселя, пущенные вами в оборот!..

При этом унизительном воспоминании в молодом человеке вскипело возмущение; он сжал кулаки, а лицо его исказила ужасающая гримаса ярости и ненависти.

— Не стану и пытаться оправдываться! — взревел он. — Да, достопочтенный батюшка, сущая правда: пряча большой рубин под стол, я твёрдо намеревался присвоить его.

— И вы смеете в этом признаваться?

— А почему бы и нет? Единственный виновник во всей этой истории — вы сами! Зачем вы держите меня без гроша? Мне уже двадцать шесть лет, я хочу жить своей жизнью! С двумя или тремя сотнями тысяч долларов — сущим пустяком для вас — я мог бы взяться за интересные дела; я ничуть не глупее и не менее способен руководить предприятием, чем любой из вашего окружения.

— Вы не слишком-то это доказали: вы промотали состояние, доставшееся вам от матери, и всякий раз, как с тех пор я доверял вам капиталы, вы спускали их за считанные недели.

— Опыт всегда обходится дорого, но теперь я набрался его вдоволь, я уверен в себе и прошу лишь возможности это доказать… Послушайте: если бы вы, к примеру, предав забвению все наши старые распри, дали мне хотя бы сто тысяч долларов…

---

[7] Промышленное сжижение воздуха (К. фон Линде, Ж. Клод) и газоразрядные ртутные лампы П. Купера Хьюитта (1901) с голубоватым свечением были модными техническими новинками начала XX века. — Примеч. пер.

— И пятидесяти тысяч не дам! И двадцати тысяч! — вскричал выведенный из себя миллиардер в таком неистовстве, что одним ударом кулака разнёс вдребезги хрупкую муранскую вазочку, полную редких марок; кровь подступила ему к горлу. Он задыхался.

Он позвонил, велел принести стакан ледяного лимонада и, лишь осушив его, продолжил уже несколько спокойнее:

— На мои банкноты ни в коем случае не рассчитывайте. После того, что произошло вчера, я нахожу вашу просьбу неслыханной наглостью. Единственное, на что я могу пойти, — не лишать вас, как собирался, ежемесячного содержания в тысячу долларов, которое выплачиваю вам с тех пор, как вы здесь.

— А ведь я говорил с вами начистоту, — мрачно и угрожающе пробормотал Барух. — Я готов был взяться за ум — ну что ж, тем хуже! Впрочем, будьте покойны: в последний раз я унижаюсь перед вами с подобной просьбой.

— Каковы же ваши планы?

— Не вижу нужды посвящать вас в них.

Решительный и в то же время отчаянный тон, каким сын выговорил эти последние слова, взволновал миллиардера сильнее, чем ему хотелось показать.

— Послушайте, — сказал он мягче, — моё решение не бесповоротно; я признаю, что вы энергичны и умны. Постарайтесь доказать мне свою серьёзность и добрую волю, и я подумаю, что могу для вас сделать.

Но Барух в эту минуту был слишком раздражён, чтобы оценить важность такой уступки.

— И сколько же времени, — нагло возразил он, — мне придётся дожидаться вашей милости или вашего каприза?

— Это будет зависеть от вас. Пока я готов предать забвению вчерашнюю выходку — а с моей стороны это уже немалое снисхождение. Но имейте в виду: если я не буду вами вполне доволен, я безжалостно лишу вас наследства.

— Недостатка в людях, готовых вас к этому подтолкнуть, не будет — взять хотя бы этого лицемера Гарри Доргана, который, как я давно заметил, увивается вокруг моей сестры Изидоры.

— Не трогайте Гарри Доргана! — горячо отрезал старик. — Хотел бы я, чтобы вы были столь же серьёзны, как он. Хоть он и моложе вас, но уже руководит электростанциями Джорджелл-Сити. У этого юноши большое будущее.

— Ещё бы, ведь я вижу, как ловко он сумел втереться к вам в доверие.

— Без сомнения, потому что заслужил его!

— В конце концов, мне на это плевать, — бросил Барух, пожав плечами. — Но вернёмся к нашему делу.

— Я только что объявил вам своё решение.

Барух смерил отца таким взглядом, что тому стало почти страшно.

— Значит, это ваше последнее слово? Вы отказываетесь ссудить мне жалкие сто тысяч долларов, о которых я прошу?

— Отказываюсь. Примите место, которое я предлагаю вам в своём тресте; докажите мне за несколько месяцев, что вы способны толково вести дела, и моя касса распахнётся перед вами настежь.

— Прекрасно. Я не настаиваю. Быть может, уже в скором времени я докажу вам, что сумею пробить себе дорогу в жизни и без помощи ваших денег.

И Барух вышел, яростно хлопнув дверью.

Однако на следующий день казалось, будто он уже забыл эту бурную сцену. Он явился к семейному столу как обычно и держался очень весело. А после полудня долго гулял по парку в обществе мисс Изидоры — едва ли не единственного человека на свете, к кому питал истинную привязанность.

В сердце Фреда Джорджелла вновь затеплилась надежда, что этот сын, доставивший ему уже столько хлопот, ещё не окончательно потерян для него и вскоре одумается.

После ужина миллиардер только что поднялся к себе в кабинет, как без стука вошла мисс Изидора.

— Это я, отец, — крикнула она с порога, — не беспокойся!

На девушке было платье из голубоватого крепдешина, сдержанно подчёркивавшее изящество и пышность её форм. Золотисто-русые волосы, в которых поблёскивала нитка жемчуга, гармонично обрамляли правильное, спокойное лицо, дышавшее прямотой и добротой; большие глаза цвета морской волны, почти зелёные, глядели ясно и смело, но без тени дерзости, а кожа её отличалась той бархатистой свежестью и особым нежным румянцем, какими, кажется, наделены лишь некоторые юные американки.

С лёгким волнением в голосе она обратилась к отцу:

— Ты показался мне за ужином таким озабоченным и даже грустным, что я непременно захотела зайти к тебе.

— И прекрасно сделала, дитя моё: ты знаешь, твоего присутствия, одной твоей улыбки довольно, чтобы утешить меня во всех печалях и залечить все раны, какие я подчас получаю в суровой битве долларов.

— Похоже, отец, — кокетливо возразила девушка, — сегодня моя улыбка утратила над тобой свою обычную власть. Ну же, будь откровенен: у тебя какая-то неприятность, как в день того громкого краха австралийского банка. Ты ведь тогда тоже ничего не хотел мне сказать.

Миллиардер слабо запротестовал:

— Нет, уверяю тебя, дитя моё, никаких серьёзных забот у меня нет.

— Уж не сердишься ли ты за что-нибудь на моего брата?

Фред Джорджелл нахмурил брови и безнадёжно покачал головой.

— Ты сама знаешь, маленькая Изидора, мы с твоим братом никогда не умели ладить. Барух — неблагодарная натура, от него мне так и не удалось добиться ничего путного.

— Кажется, он становится куда прилежнее, а главное — покладистее.

— Не будем больше о нём, хорошо? Этот разговор мне неприятен.

Миллиардер встал и принялся нервно шагать из угла в угол просторной комнаты. Мисс Изидора поняла, что настаивать бесполезно. Характеры отца и сына были настолько несхожи, между ними царила даже такая неприязнь, что они, верно, никогда не сумеют столковаться.

— Ну что ж, пусть так! — надула она губки. — Оставим Баруха в покое и поговорим лучше о позавчерашнем празднике. Ты ведь остался доволен? По признанию даже самых завистливых моих подруг, вечер вышел великолепным!

— Разумеется!..

— Правда, случилась эта история с рубином — к счастью, всего лишь недоразумение…

Фред Джорджелл сделал досадливый жест.

— Не напоминай мне об этом рубине, — нетерпеливо отозвался он. — Я о нём уже давно думать забыл; впрочем, если уж говорить тебе всю правду, сегодня у меня и впрямь есть неприятность — вернее, самая настоящая тревога.

— И ты не хотел мне говорить, — с упрёком прошептала девушка.

— Видишь, ничего-то я от тебя утаить не могу, но успокойся, тут нет ничего страшного.

— В чём же дело?

— Ты знаешь, я давно веду дела с этим владельцем прядильных фабрик из Буэнос-Айреса, о котором часто тебе рассказывал, — Пабло Эрнандесом. Недавно я продал ему партию хлопка на триста тысяч долларов, товар он уже принял; как раз сегодня он должен был внести деньги, и вот — ни слуху ни духу. Это тем более странно, что Пабло вполне платёжеспособен и отличается редкой пунктуальностью.

— Действительно, весьма странно.

— Всего тревожнее то, что вчера вечером он звонил мне по телефону и сказал, что уже едет лично доставить условленную сумму…

В эту минуту в дверь кабинета тихо постучали.

— Войдите! — крикнул миллиардер. — А, это ты, Пэддок! Принёс добрые вести?

Пэддок был старым ирландцем; управляющий, мастер на все руки, а при случае и секретарь, он пользовался безграничным доверием Фреда Джорджелла. В ответ на вопрос хозяина он сперва отрицательно покачал головой.

— Пабло Эрнандес? — встревоженно спросил миллиардер.

— Мёртв! Убит!

— Да не может быть!

— Я только что видел его труп.

Фред Джорджелл был глубоко потрясён.

— Пабло был верным товарищем, — проговорил он. — Я с лёгким сердцем отдал бы те триста тысяч долларов, что он мне должен, лишь бы он остался жив.

Затем он спросил с лихорадочным любопытством:

— Как его убили? Я хочу знать все подробности… Я не пожалею никаких денег, чтобы арестовали убийц!

— Смерть эта окутана странной тайной. Пабло Эрнандеса нашли сегодня довольно рано утром на берегу маленькой болотистой речки у самой опушки леса, чуть поодаль от заводов. Его обобрали до нитки, но самое необъяснимое — на теле нет ни единого следа ранения, если не считать лёгкого ушиба, маленького тёмного пятнышка за ухом. Автомобиль, на котором он приехал один, стоял в нескольких метрах позади, совершенно целый.

— Дознание уже провели? — спросила мисс Изидора.

— Разумеется, — ответил Пэддок, — но оно ничего не прояснило. Доктор Корнелиус Крамм осмотрел тело и не смог вынести определённого заключения. Он склонялся бы к мысли о молниеносном апоплексическом ударе, если бы покойного не ограбили.

— Какая-то неразрешимая загадка, — прошептала девушка.

— Единственное правдоподобное объяснение, — продолжал ирландец, — это что Пабло Эрнандес вышел из машины ради какой-нибудь мелкой починки, и как раз за этим делом его хватил удар. Первый же прохожий, какой-нибудь бродяга, наткнулся на труп и поспешил забрать у покойника банкноты.

Слушая эти объяснения, Фред Джорджелл хранил задумчивое молчание.

— Бандиты сработали мастерски, — медленно произнёс он. — Я уверен, что при Пабло Эрнандесе, в банкнотах и различных ценных бумагах, были те самые триста тысяч долларов, которые он вёз мне сегодня. По-моему, преступление очевидно. Тут была устроена настоящая засада.

Ни Пэддок, ни мисс Изидора ничего не ответили на это замечание. В глубине души оба разделяли мнение миллиардера.

— Как бы то ни было, триста тысяч долларов для вас пропали, — сказал Пэддок после недолгого молчания.

— Нет, Пабло Эрнандес был богат, очень богат — я знаю, что деньги получу, но это не так уж важно: триста тысяч долларов не стали бы для меня невосполнимой потерей.

Мисс Изидора задумалась.

— Отчего же, — спросила она у Пэддока после паузы, — отцу так поздно сообщили о трагической гибели его клиента?

— Мисс, это вполне объяснимо: личность несчастного Пабло установили лишь час назад. Я ещё в полдень знал, что совершено преступление, но, поскольку стычки между итальянскими и ирландскими рабочими в Джорджелл-Сити не редкость, я решил, что речь идёт о заурядном убийстве, и не стал вникать.

— Хорошо, Пэддок, — задумчиво сказал миллиардер, — составьте сегодня же вечером заметку для газет с обещанием награды в пять тысяч долларов каждому, кто сообщит ценные сведения о смерти бедняги Эрнандеса.

Ирландец вышел. Мисс Изидора побыла ещё немного рядом с отцом, который выглядел глубоко удручённым, но поняла, что ему хочется остаться одному, и тоже удалилась.

После её ухода Фред Джорджелл ещё долго расхаживал по кабинету в нервном волнении: его разом одолевали тревога, досада и печаль; давно уже бремя его колоссального богатства и ответственности не казалось ему таким тяжким.

Глава III. Братья Крамм

В тот самый час, когда Фред Джорджелл узнал о трагической гибели своего клиента Пабло Эрнандеса, Барух выходил из уединённого флигеля, где жил, через калитку, ведущую прямо на улицу. Ключ от неё был только у него, так что он мог уходить и возвращаться когда вздумается, не тревожа никого из прислуги.

Улица эта, хотя и значилась на официальном плане города, пока что представляла собой лишь череду дощатых заборов да груды строительного мусора. Барух перебрался через неё, наугад перепрыгивая лужи и рытвины, и зашагал по ещё не достроенному бульвару, который пересекал Джорджелл-Сити и кое-где освещался мощными дуговыми фонарями. Наконец он остановился перед большим особняком сурового вида.

Барух Джорджелл направлялся к доктору Корнелиусу Крамму.

Доктор Корнелиус славился на всю Америку, но его чудесные исцеления были весьма особого свойства.

Он был настоящим благодетелем для всех мужчин и женщин, страдавших от собственного уродства или какого-нибудь телесного изъяна, — разумеется, если им было по карману баснословно дорогое лечение. Он выпрямлял крючковатые носы, урезал непомерно большие уши, увеличивал глаза, уменьшал рты, делал выше лбы и исправлял фигуры; словом, с помощью хирургии он обращался с живой плотью как с податливой глиной, лепя из неё всё, что заблагорассудится.

За это несравненное мастерство в свете его запросто окрестили странным прозвищем «скульптор человеческой плоти».

О прошлом Корнелиуса знали немного. В одно прекрасное утро он появился в городе, устроился с королевским размахом, и с тех пор, благодаря умелой рекламе, удачным операциям, а также весьма основательным познаниям в медицине, слава его росла как на дрожжах.

Впрочем, о происхождении его богатства ходила мрачная легенда. Утверждали, будто лет десять назад Корнелиус служил врачом в одной горнорудной компании в бразильской провинции Мату-Гросу, где на приисках работало более пятисот чернокожих.

Несмотря на самый бдительный и строгий надзор, кражи там случались нередко. Как раз вскоре после приезда доктора пропал алмаз в семьсот каратов, и все обыски и поиски ни к чему не привели. Прошло несколько недель, о пропаже стали забывать, как вдруг один старый негр занемог и попал в больницу, которой заведовал Корнелиус. Тот без труда определил острый перитонит, вызванный инородным телом в кишечнике; он уже собирался было приступить к операции, но тут ему припомнился пропавший алмаз. Доктору было прекрасно известно, что негры частенько без колебаний глотают украденные камни, чтобы понадёжнее их спрятать.

Два дня спустя больной скончался, приняв «по ошибке» прописанную ему облатку с синильной кислотой[8], а доктор при вскрытии, как и ожидал, обнаружил в трупе алмаз в семьсот каратов. В том же месяце Корнелиус подал в отставку по состоянию здоровья и отбыл в Европу, где следы его затерялись.

Прошлое Фрица Крамма было покрыто не меньшим мраком. Своё состояние он сколотил на торговле картинами и предметами искусства — вот, пожалуй, и всё, что можно было сказать о нём наверняка. Недруги, правда, поговаривали, будто некогда он состоял в международной шайке музейных воров, а ныне сбывает для них краденое, но доказать это клеветническое

[8] Облатка — старинная аптечная оболочка из двух тонких пластинок пресного теста для приёма горьких порошков. Синильная кислота в действительности является летучей жидкостью (в порошке применялись её соли — цианиды). — Примеч. пер.

обвинение никто бы не смог. Впрочем, эти сплетни ничуть не вредили братьям: мало ли грязи выливают на тех, кто сумел добиться успеха.

Когда Барух позвонил у дверей странного доктора, было около десяти вечера; сквозь щели наглухо закрытых, обитых железом ставней едва пробивались тонкие лучики света.

Отворивший дверь лакей молча проводил молодого человека в приёмную, обставленную со строгим изяществом. Там уже находился какой-то человек в чёрном, который учтиво шагнул навстречу гостю. Это был старый итальянец по имени Леонелло, состоявший при докторе уже много лет.

— Чем могу служить? — спросил он Баруха.

— Я хотел бы видеть доктора.

— Увы, это невозможно, доктор работает.

— Он ждёт меня, — настойчиво возразил Барух. — Вот моя карточка.

— Тысяча извинений, — подобострастно произнёс итальянец, взглянув на визитную карточку. — Сейчас доложу о вас.

Через несколько мгновений Леонелло вернулся. На его костлявом лице играла язвительная усмешка.

— Мой хозяин будет весьма рад вас принять, — сказал он, — но не может оторваться от работы, поэтому вам придётся пройти со мной в его лабораторию.

— А что это за работа?

Хитрая физиономия итальянца сделалась ещё насмешливее.

— Доктор бальзамирует тело злосчастного Пабло Эрнандеса, чей труп нашли сегодня утром. Родственники телеграфировали доктору, просили сделать всё необходимое, так что вам выпадет редкая честь поприсутствовать при операции.

— Покорно благодарю, — пролепетал смертельно побледневший Барух, — я вовсе не жажду любоваться подобным зрелищем.

— Понимаю вас.

— Передайте доктору, что я подожду, пока он закончит.

— Это может затянуться.

— Ну и пусть, я лучше подожду.

Леонелло бесшумно исчез. Оставшись один, Барух кусал губы, сгорая от злости и нетерпения; наконец появился доктор.

Доктору Корнелиусу Крамму было немногим больше тридцати шести лет, но из-за огромного, совершенно голого черепа, крупных золотых очков и худого, гладко выбритого лица он казался гораздо старше. Черты его были правильны, и с первого взгляда в нём угадывался человек незаурядного ума, однако тонкие губы и беспокойные, шарящие глазки за жёлтыми хрустальными стёклами вызывали безотчётную тревогу. Говорил он медленно, сухо и ледяным тоном.

Здороваться они не стали. Наедине, без свидетелей, пустые любезности были ни к чему.

— Большого рубина я не достал, — объявил Барух, — зато принёс ценные бумаги, о которых вам говорил.

— Мне ли этого не знать, — цинично отрезал Корнелиус, — ведь я только что закончил бальзамировать их прежнего владельца.

Барух и бровью не повёл.

— Деньги нужны мне немедленно, — сказал он.

— Что ж, прекрасно! Идёмте к моему брату.

Больше они не проронили ни слова. Корнелиус взял маленький электрический фонарь и повёл гостя по садовым дорожкам к железной двери, соединявшей владения братьев.

Переступив порог, они очутились в огромном зале, от пола до самой крыши буквально забитом горами картин и статуй всех времён и школ. Посередине на расчищенном пятачке стояли письменный стол и кресла, а в стену был вмурован большой сейф.

Не успели Корнелиус и Барух сесть, как в другом конце зала показался Фриц Крамм, которого, видно, уже успели предупредить.

Торговец редкостями внешне был полной противоположностью своему брату-врачу. Насколько Корнелиус был тощ, изможден и угрюм, настолько Фриц был дороден, румян, весел и необычайно любезен в обхождении.

У нас во Франции таких называют бонвиванами.

Добродушная улыбка и светло-серые, полные прямоты глаза поначалу располагали к нему, но стоило присмотреться к его тяжёлым челюстям, огромным ушам с неровными краями и ручищам с короткими пальцами и круглыми, точно шарики, большими пальцами, как всякое доверие тут же улетучивалось.

Завидев Баруха, Фриц шагнул ему навстречу с протянутой рукой.

— Счастлив вас видеть! — воскликнул он. — О, я так и знал, что вы скоро заглянете, и уже почти ждал вас.

Барух перевёл дух: это радушие — притворное или искреннее — помогло ему почувствовать себя непринуждённее.

— Вы догадываетесь, что меня привело, — сказал он.

— Ещё бы! Вам нужны банкноты.

— Вот именно…

— Давайте взглянем на бумаги.

Барух вытащил из кармана пальто пухлый сафьяновый бумажник, но вдруг густо покраснел и смешался, заметив в уголке вытисненное золотыми буквами имя дона Пабло Эрнандеса.

— Вот уж эту памятную вещицу, мастер Джорджелл, я бы хранить вам не советовал! — жёстким, отрывистым голосом произнёс Корнелиус.

Фриц Крамм тут же вмешался, примирительно замахав руками.

— Ладно-ладно, — сказал он, — дело житейское, всего не предусмотришь. Но давайте же взглянем на ценные бумаги. — Тут он взял бумажник из рук Баруха. — Нефть, медь, каучук — превосходно! К тому же большинство идёт в гору; тот, кто их покупал, был далеко не простофиля. Вот только беда… ни одной бумаги на предъявителя. Сбыть такое с рук могу только я, да и то не без риска. Давайте сосчитаем. Всего здесь на триста тысяч долларов; стало быть, как и условлено, я выдам вам сто тысяч банкнотами и золотом.

Барух вскинулся, но тут же взял себя в руки.

— По-моему, — продолжал Фриц, не давая ему вставить слово, — моё предложение вполне справедливо: сто тысяч долларов мне за то, что я беру акции и облигации, которые будет очень непросто пристроить; сто тысяч моему брату, подписавшему медицинское заключение, и сто тысяч вам, тому, кто…

— Так я ведь и не возражал, — живо перебил его Барух.

— Полагаю, мы прекрасно понимаем друг друга.

Неторопливыми, размеренными движениями честного коммерсанта Фриц подошёл к сейфу, достал оттуда пачку банкнот и вручил её Баруху.

— Видите, — сказал он с добродушной улыбкой, — вся сумма уже была наготове. Пересчитайте: кажется, тут всё верно, но мало ли, каждый может ошибиться.

— Ни к чему, — ответил Барух, засовывая банкноты в карман. — Благодарю вас. Возможно, мне ещё придётся обратиться к вам за помощью.

— Всегда к вашим услугам.

Барух откланялся.

Фриц настоял на том, чтобы проводить гостя до самой уличной двери, и на прощание они обменялись крепким, чистосердечным рукопожатием.

Фриц вернулся к брату. Оставшись наедине в огромном зале с картинами, прямо перед сейфом, они обменялись странной улыбкой.

— Кажется, мы крепко держим его на крючке, — произнёс Корнелиус.

— О да! — подтвердил Фриц. — Теперь он наш, всецело наш. Впрочем, держался он молодцом; боюсь только, что послушного орудия из него не выйдет.

— Попав к нам в руки, все становятся послушными, — со зловещей гримасой заявил доктор. — В наших планах меня смущает лишь одно обстоятельство… Этот молодой Гарри Дорган.

— Там видно будет. Надо всё обдумать. По-моему, на сегодня с нас хватит трудов…

На этом братья закончили разговор и разошлись. Корнелиус вернулся в свою лабораторию. Фриц переоделся и отправился провести остаток вечера к богатому торговцу углём — одному из лучших своих клиентов, которого он снабдил целой картинной галереей.

Тем временем Барух кликнул таксомотор и велел везти себя в знаменитый «Клуб Чёрного Боба»[9].

[9] В оригинале буквально «Клуб Чёрной Фасолины» (или «Чёрного Боба») — по чёрному бобовому зерну, служившему жребием (см. главу IV). — Примеч. пер.

Глава IV. «Клуб Чёрного Боба»

«Клуб Чёрного Боба» был заведением на редкость своеобразным, истинно американским; в нём состояло сорок действительных членов — непременно холостяков — и множество почётных, как женатых, так и холостых. Каждый год в новогоднюю ночь, по окончании роскошного банкета, где рекой лились кларет и шампанское «экстра-драй»[10], метрдотель церемонно ставил на стол урну из позолоченного серебра, в которой лежало тридцать девять белых бобов и один-единственный чёрный.

Наступала торжественная минута.

С завязанными глазами каждый член клуба, начиная с председателя, по очереди вытягивал из позолоченной урны один боб.

Тот, кому выпадал чёрный боб, обязан был жениться в наступившем году и, выбыв из числа действительных членов, по праву становился почётным; зато клуб брал на себя все свадебные издержки и оплачивал расходы молодых на протяжении всего медового месяца.

Если же невеста оказывалась бесприданницей — что, впрочем, случалось нечасто в кругу, где вращались почти исключительно сынки миллиардеров, — клубная касса обеспечивала её приданым.

Это примечательное общество, перебравшееся в Джорджелл-Сити из соседнего города, пользовалось огромным успехом; его члены составляли избранный круг, попасть в который было весьма непросто.

Барух Джорджелл числился лишь почётным членом, но поскольку в «Клубе Чёрного Боба» шла весьма крупная игра, он бывал там постоянно.

Барух был игроком.

Однако выигрывал он редко — сказывалось отсутствие расчёта и выдержки: на зелёное сукно он бросал золото пригоршнями, в каком-то лихорадочном возбуждении. Он не знал или презирал уловки старых профессионалов, которым каждый вечер удавалось с пустячной ставки сорвать куш в сотню долларов.

Когда Барух вошёл в игорный зал, партия была в самом разгаре; некий Стикман, недавно приехавший в Джорджелл-Сити, понтировал и держал пари с поразительной дерзостью.

Арнольд Стикман, молодой человек с румяным лицом, на вид почти подросток, прославился в обществе «Пятисот»[11]своим изысканным вкусом; в Чикаго и даже в Нью-Йорке он считался законодателем мод.

Именно он ввёл в моду галстуки из золотой парчи, усыпанной мелкими бриллиантовыми цветочками; в другой раз он поразил всех костюмом из розово-лиловой металлической ткани; он же пустил в оборот ботинки из настоящей акульей кожи, на которых вместо пуговиц красовались маленькие чёрные бриллианты.

Портрет этого американского Браммела[12]не сходил со страниц модных журналов, а проворные репортёры бегали за интервью к его портному, сапожнику и рубашечнику, пытаясь выведать, в каком наряде он появится завтра; на протяжении одного и того же дня его видели

---

[10] Кларет — английское название сухих красных вин Бордо; «экстра-драй» (букв. «экстра-сухое») — популярная в англоязычных странах марка сухого шампанского. — Примеч. пер.

[11] Вариация известного американского выражения «Четыреста» — так с конца 1880-х годов называли замкнутую верхушку нью-йоркской финансовой и светской аристократии (по числу гостей, которых вмещал бальный зал миссис Кэролайн Астор). — Примеч. пер.

[12] Джордж Брайан «Бо» Браммел (1778–1840) — знаменитый английский денди эпохи Регентства, законодатель светской моды и мужского костюма, чьё имя стало нарицательным для обозначения безупречного щеголя. — Примеч. пер.

то в пижаме из асбестовой фланели, то в костюме из стеклянной ткани[13], то в жилете из крокодиловой кожи.

Стикман был по-своему поэтом.

Всякое своё чувство, всякую мечту он воплощал в новом, глубоко продуманном и причудливом туалете. В самых мелких житейских привычках сказывалась его изысканная щепетильность: каждое утро камердинер мыл с мылом золотые монеты, предназначенные для его кошелька, а в бумажнике у него водились только новенькие, надушенные банкноты.

Вот против какого человека уселся Барух Джорджелл, войдя в игорный зал «Клуба Чёрного Боба»; они обменялись беглым взглядом и безотчётно возненавидели друг друга.

Банковал Арнольд Стикман. Барух залпом осушил бокал шампанского, поданный барменом, и беспечно бросил на сукно билет в тысячу долларов. Стикман сдал карты уверенным движением.

— Семь! — объявил он.

У Баруха оказалось пять.

Стикман с брезгливым видом подцепил тысячедолларовую банкноту, слегка замусоленную по углам; перед ним золото, жетоны и ассигнации лежали огромной грудой — настоящей маленькой горой.

Невозмутимый Барух рискнул ещё двумя тысячедолларовыми билетами.

Он проиграл. Обе банкноты перекочевали в груду безупречного Стикмана.

— Что ж! — произнёс Барух.

И он бросил на сукно одну за другой четыре, потом восемь, затем шестнадцать банкнот — и всякий раз проигрывал.

Заинтригованные члены клуба оставили собственную игру и с жадным вниманием следили за поединком двух молодых миллиардеров. Баруха преследовало упорное невезение — золото утекало у него сквозь пальцы, словно вода.

— А не сыграть ли в «муху»? — предложил вдруг один из старых завсегдатаев. Затею встретили восторженными криками «браво!». «Муха» — игра сугубо американская, особенно распространённая на борту трансатлантических пароходов, где пассажиры скрашивают ею скуку долгого плавания.

Двенадцать членов клуба выложили на сукно по банкноте, поверх каждой положили по кусочку сахара, после чего все присутствующие погрузились в благоговейную тишину и замерли без движения.

Вдруг муха, с жужжанием кружившая под потолком возле электрических плафонов, спустилась вниз, привлечённая запахом сахара. Игроки и зрители застыли подобно изваяниям.

Минута выдалась волнующая. В глубокой тишине можно было расслышать прерывистое дыхание игроков, изнемогавших от тревоги.

Букашка немного покружила над подносом с бутылками шампанского и виски, а затем устремилась прямо к кусочку сахара, лежавшему перед Барухом. Тот невольно чуть вздрогнул, и муха вспорхнула. Она перелетела на сахар Арнольда Стикмана, который и бровью не повёл.

— Выиграл! — шумно закричали игроки.

Стикман презрительно улыбнулся и небрежным жестом сгрёб одиннадцать билетов, лежавших под кусочками сахара.

Ставки обновили, но Арнольд Стикман выиграл пять раз подряд. Один за другим, как и в прошлый раз, игроки выходили из партии, поражённые столь невероятным везением. Барух и Стикман вновь остались один на один; теперь под каждым кусочком сахара лежало по десять тысячедолларовых банкнот.

---

[13] До открытия вреда асбеста тонкую асбестовую ткань и ткань из стеклянных нитей с шёлком демонстрировали на всемирных выставках рубежа XIX–XX веков как диковинки текстильной техники. — Примеч. пер.

Свидетели этой сцены следили за её перипетиями с тем страстным, почти болезненным азартом, с каким янки отдаются всякой игре и всякому спорту. Перестав играть, чтобы не мешать двум соперникам, они вполголоса заключали пари.

— Ставлю две тысячи на Баруха!

— А я две тысячи на Стикмана — ему сегодня везёт!

— Возможно, но счастье вот-вот переменится! Выиграет Барух!..

— Сейчас увидим.

— Три тысячи долларов.

— Идёт!

Тем временем муха, к которой были прикованы все встревоженные взгляды, словно нарочно принялась кокетничать: она носилась кругами по просторному залу, то удаляясь, то приближаясь, и снова взмывала под самый потолок. На миг она даже уселась — точно в насмешку — аккурат между двумя бледными, дрожащими от напряжения игроками.

И вдруг опустилась на сахар Баруха. Наконец-то он выиграл! Он жадно сгрёб ставку своего соперника, а тот улыбался с отстранённым видом человека, которому совершенно безразлично, выиграет он или проиграет пухлую пачку банкнот — потолще или потоньше.

Сторонники Баруха воспрянули духом; удача, казалось, переметнулась на его сторону. Игра продолжилась с ещё большим ожесточением.

В этот миг между державшими пари вспыхнула перепалка, едва не дошедшая до стрельбы из браунингов: кто-то без всякого злого умысла раскурил сигару «регалия»[14], дым которой мог сбить с толку насекомое, в ту минуту вершившее судьбу партии. Осыпанный всеобщими упрёками, злополучный курильщик вынужден был выбросить сигару и принести извинения.

На сей раз Барух положил под сахар двадцать билетов — и выиграл.

Стикман с неизменной улыбкой достал пятьдесят банкнот из бумажника, сшитого из свиной кожи. Барух, не колеблясь ни секунды, положил перед собой столько же.

Партия приобретала грандиозный размах, но муха, вдоволь насытившись сахаром, выпорхнула в распахнутое настежь окно. Игроки и держатели пари пришли в ярость.

Наступила вынужденная передышка: мухи, дремавшие возле позолоченной лепнины на потолке, не выказывали ни малейшего желания прерывать свой сон, а та букашка, что до сих пор играла столь важную роль, казалось, улетела навсегда.

Разговоры возобновились, снова задымились сигары, по залу поплыли подносы с бокалами «экстра-драй» и обжигающих коктейлей.

Уже поговаривали о том, чтобы сыграть в бридж или покер, — как вдруг с радостным жужжанием муха, несомненно та самая, триумфально влетела в окно и принялась в нерешительности кружить над игорным столом.

— Четверть часа ещё не прошла! — в один голос воскликнули зрители. — Ставки в силе, игра продолжается!

Сигары мгновенно погасли, и в зале, только что таком шумном, воцарились благоговейная тишина и полная неподвижность. Каждый про себя думал, что в «Клубе Чёрного Боба» давненько не бывало столь захватывающего поединка.

На этот раз борьба оказалась недолгой. Спустя минуту муха без малейшего колебания опустилась на кусочек сахара Баруха. Он выиграл пятьдесят тысяч долларов.

Стикман протянул ему деньги со своей самой любезной улыбкой.

— Примите мои искренние поздравления, мистер Джорджелл, — сказал он. — Все лавры сегодняшнего вечера принадлежат вам. Но не находите ли вы, что на сегодня игры достаточно? Лично я чувствую, что голова у меня немного отяжелела.

---

[14] Регалия — крупный формат дорогих гаванских сигар. — Примеч. пер.

Барух был глубоко изумлён; он решительно не понимал причины этой внезапной умеренности.

— Я готов продолжать, — ответил он.

— Нет, на сегодня хватит. У вас ещё будет предостаточно случаев дать мне реванш. Я пробуду здесь недели две, а то и дольше.

— Как вам угодно, — пробормотал озадаченный Барух. — Полагаю, кто-нибудь из этих джентльменов с радостью займёт ваше место.

Но желающих не нашлось. Со свойственным игрокам суеверием все были убеждены, что фортуна переменилась и Барух Джорджелл будет выигрывать до самого конца вечера.

— К тому же уже поздно, — добавил Стикман. — По-моему, благоразумнее всего разойтись по домам и лечь спать, осушив напоследок по бокалу за здоровье счастливого победителя.

Предложение встретило всеобщее одобрение. Игроки покинули зал и перебрались в бар, где весело провозглашали тосты, а затем небольшими группами члены клуба начали расходиться.

Странное дело: Стикман, казалось, внезапно забыл о своей неприязни к Баруху. Они некоторое время дружелюбно беседовали и вместе вошли в лифт.

Когда они вышли из лифта, Стикман поинтересовался, приехал ли Барух на своём автомобиле, и, услышав «нет», предложил подвезти его до самого дома. Барух согласился, несколько удивлённый такой предупредительностью.

Когда оба уселись в роскошном электрическом купе, беседа не замедлила принять доверительный оборот.

— Послушайте, мой дорогой партнёр, — сказал Стикман, — я буду с вами предельно откровенен и хочу доверить вам одну тайну.

— Я вас слушаю, — пробормотал Барух, гадая, куда тот клонит.

— Как вы знаете, несколько дней назад я был на празднике, который давал ваш отец.

— Да, припоминаю, как вы танцевали скоттиш[15]с моей сестрой, мисс Изидорой.

— Вот о ней-то как раз и речь. Мне ещё никогда не доводилось так близко любоваться грацией, очарованием и живостью этой прелестной особы. Я был восхищён как её умом, так и красотой…

— И разумеется, — с лёгкой иронией перебил Барух, — вы в неё влюблены?

— Безумно влюблён! На днях я намерен просить у мистера Джорджелла её руки!

— Желаю удачи, — всё так же насмешливо отозвался Барух, — но не слишком понимаю, чем могу быть вам полезен. У меня, как вам, возможно, известно, нет никакого влияния на отца и совсем мало — на сестру.

— Всё, о чём я вас прошу, — это не относиться ко мне враждебно.

— Разумеется, дорогой мистер Арнольд, с моей стороны вы можете рассчитывать на самый благожелательный нейтралитет. Но должен вас предупредить: Изидора уже отказала великому множеству блестящих женихов.

— Это ещё ни о чём не говорит, — самодовольно возразил король Моды. — Когда-нибудь мисс Изидора всё равно должна будет на ком-то остановить свой выбор.

— Будем надеяться, что на вас. Но вот мы, кажется, и приехали. Не беспокойтесь, я сохраню вашу тайну. Тысячу раз благодарю за любезность и до скорой встречи в «Клубе Чёрного Боба» — за вами реванш!

Молодые люди расстались с видом самой искренней сердечности. Стикман полагал, что совершил тончайший дипломатический шаг. В этом он глубоко заблуждался.

---

[15] Скоттиш (шоттиш) — популярный в XIX — начале XX века салонный парный бальный танец семейства польки. — Примеч. пер.

Барух, прежде питавший к нему лишь инстинктивную антипатию, теперь возненавидел его всей душой. Вернувшись в гостиную, занимавшую первый этаж его павильона, он дал волю накопившейся желчи.

— Самодовольный болван! — воскликнул он. — Неужели он воображает, будто сестра сразу в него влюбится? Видно, рассчитывает покорить её сердце безупречным покроем своих костюмов и шикарными галстуками! Изидора должна быть круглой дурой, чтобы отдать руку этому напыщенному манекену, который годится разве что для портновской витрины…

Произнося этот монолог, Барух вытащил из кармана банкноты, которые сунул туда как попало, уходя из игорного зала.

Он пересчитал их — оказалось сто шестьдесят штук; но столь ощутимое приумножение капитала не только не успокоило его, а лишь пуще распалило злобу на Стикмана.

— Теперь мне всё ясно! Этот наглец отказался продолжать игру, чтобы дать мне уйти с выигрышем! Словно милостыню мне подал! Если кто-нибудь разгадает его намерения, я стану притчей во языцех и посмешищем для всего клуба! И он, верно, думает, что я буду ему благодарен! Я же прекрасно знаю, что в душе он меня ненавидит; ещё недавно он едва удостаивал меня словом…

Барух был прежде всего человеком гордым, и Арнольд Стикман, думая угодить ему, сумел до глубины души уязвить его самолюбие.

В последующие вечера игра в «Клубе Чёрного Боба» шла особенно бурно. Баруху во что бы то ни стало хотелось доказать всем, что он вовсе не находится, как поговаривали, под отцовской опекой и располагает собственными капиталами. Для полной убедительности он мечтал проиграть Стикману крупную сумму. Но тот, верный однажды избранной тактике, изо всех сил старался дать ему выиграть.

— Он нарочно хочет меня унизить, — в бешенстве думал Барух, — хочет показать, что владеет состоянием, которым волен распоряжаться как угодно, и делами, которые ведёт самостоятельно, тогда как я, по отцовской скупости, всего этого лишён. Он, вероятно, даёт мне понять, что, когда станет мужем Изидоры, я смогу рассчитывать на его щедроты. Но надо совсем меня не знать, чтобы строить подобные планы; я не из тех, кто долго сносит оскорбления!

Между тем у прочих членов «Клуба Чёрного Боба» не было таких причин щадить Баруха Джорджелла, как у Стикмана. Поэтому они беззастенчиво пользовались его рассеянностью, и пухлая пачка банкнот таяла день ото дня.

Из ста шестидесяти билетов оставалось едва ли три десятка.

Гордец Барух не хотел признаться даже самому себе, что недостаточно богат, чтобы тягаться с противниками, из которых чуть ли не каждый владел миллиардом; и вместо того чтобы пустить деньги в какую-нибудь выгодную спекуляцию, как задумывал поначалу, он играл сломя голову, не желая думать о последствиях такого безрассудства.

Примерно в это время Арнольд Стикман нанёс Фреду Джорджеллу два или три визита подряд. О чём они беседовали, осталось тайной, однако король Моды выказывал невиданные прежде весёлость и воодушевление. Что же до костюмов, которые он обновлял каждый день, то они отличались нежными расцветками и ослепительным шиком.

Глава V. Сенсационная тайна

Зимний сад Фреда Джорджелла с его куртинами апельсиновых деревьев, жасмина, магнолий и орхидей, бьющими фонтанами и дорожками, устланными густым зеленеющим мхом, в любое время года был уголком прохлады и очарования. Пальмы и бананы образовывали там настоящие рощи, и их широкие листья поднимались к самому хрустальному куполу с позолоченными аркадами.

Здесь мисс Изидора часто проводила долгие часы в обществе славной шотландки, миссис Мак-Барлотт, чья единственная обязанность заключалась в том, чтобы читать ей вслух и сопровождать на прогулках.

Каждый день в полдень, после завтрака, они отправлялись проведать большой вольер из серебряной филиграни, полный попугайчиков, сенегальских вьюрков, кардиналов и прочих тропических птиц с ярким оперением. Это было одно из их любимых развлечений.

В тот день они как раз крошили печенье своим маленьким пернатым питомцам, когда на повороте аллеи из флоридских лимонных деревьев, посаженных в великолепные вазы итальянского фаянса, неожиданно появился Фред Джорджелл. Мисс Изидора тотчас поспешила ему навстречу.

— Я думала, ты уже поднялся к себе в кабинет, — сказала девушка. — Неужели, вопреки обыкновению, у тебя, вечно занятого человека, нашлось время побыть в нашем обществе?

— Ты прекрасно знаешь, милое дитя, что у меня никогда нет лишнего времени. Время — слишком драгоценный товар, чтобы разбрасываться им попусту. Если я спустился, то лишь потому, что мне нужно очень серьёзно с тобой поговорить.

— Оставляю вас, — произнесла миссис Мак-Барлотт, как и подобает хорошо вышколенной особе.

— Изидора, — начал миллиардер, — я должен сделать тебе выговор.

— Мне? — удивилась девушка. — Если я навлекла на себя твоё недовольство, уверяю тебя, это вышло совершенно невольно.

— О, ничего страшного, и мне не хотелось бы огорчать тебя из-за такого пустяка. Дело вот в чём. Мне кажется, в последнее время молодой Гарри Дорган слишком уж усердно за тобой ухаживает.

— Ах, папа! — возразила мисс Изидора, и её лицо залилось стыдливым румянцем.

— Я глубоко уважаю инженера Гарри, — продолжал миллиардер мягче, — однако мне бы не хотелось, чтобы его визиты давали повод к нежелательным толкам. Сейчас, более чем когда-либо, у меня есть особые причины желать, чтобы ваши имена не соединялись в пересудах злоязычников, как это случалось в последнее время.

— Могу тебя заверить, — сказала мисс Изидора с полным спокойствием и прямотой, — что мне не в чем упрекнуть себя: я ничуть не кокетничала.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, но тем не менее Гарри Дорган ходит за тобой как тень. Он ухитряется бывать на всех приёмах, куда тебя приглашают, танцует и флиртует с тобой, завладевает твоим вниманием на целые вечера. В театре, на концерте, на приёмах в саду его непременно видишь рядом с тобой!

По мере того как миллиардер говорил, он всё больше распалялся; лицо его вспыхнуло, и он закончил, решительно взмахнув рукой:

— Право, это становится неприлично! Пора положить этому конец!

— Папа, — отозвалась мисс Изидора с лёгким волнением в голосе, — признаюсь, я тебя не понимаю! Ты сейчас говорил со мной так, словно я какая-нибудь французская «барышня», которую с детства держат в монастыре под строжайшим надзором, следя за каждым её шагом.

Я дочь свободной Америки, меня воспитали в свободе, и я надеюсь и впредь пользоваться ею, ведь я никогда не употребляла её во зло.

— И всё же…

— Я вовсе не отрицаю настойчивого внимания Гарри Доргана, но если мне приятно его общество, то лишь потому, что он умнее, образованнее и симпатичнее всех этих сынков владельцев трестов, которые, стоит отойти от биржевых котировок да цен на хлопок и нефть, и двух слов связать не могут!

И она добавила решительным тоном:

— К тому же разве ты сам не повторял мне, что предоставишь мне полную свободу в выборе мужа?

— Я не переменил мнения, — пробормотал Фред Джорджелл в смущении, — но надеюсь, ты выбрала не Гарри Доргана?

Мисс Изидора не удержалась от улыбки, глядя на испуганное лицо отца.

— Успокойся, — сказала она, — Гарри Дорган для меня очень приятный товарищ, и ничего больше. С ним интересно беседовать: видно, что он много и серьёзно читает. Мне по душе его прямота, но на этом всё. Если бы я решила выйти за него замуж, ты узнал бы об этом первым.

— Знаю, — несколько смущённо ответил миллиардер, — я никогда не сомневался в твоей искренности… Но я хотел сказать тебе ещё кое-что.

— Держу пари, — лукаво заметила девушка, — что ты хочешь предложить мне нового жениха?

— Правду сказать, да. Я получил предложение от молодого человека, который, на мой взгляд, составил бы тебе завидную партию. Его состояние не уступает твоему, он уже стоит во главе нескольких крупных предприятий.

— А внешность?

— Высокий, элегантный, видный, умный — он будет идеальным мужем.

— Если я соглашусь. И как же его зовут?

— Арнольд Стикман.

Мисс Изидора звонко рассмеялась.

— Ну уж нет! — воскликнула она. — Король Моды моим мужем не будет, говорю тебе сразу. Я питаю истинное отвращение к молодым людям, для которых туалет — главная забота в жизни. Это признак глубоко эгоистичной натуры. Мне пришлось бы ревновать этого фата к его пиджакам и галстукам. Предложи мне кого-нибудь другого, если хочешь, но, говоря совершенно искренне, достопочтенный Арнольд Стикман мне не подходит.

Миллиардер был крайне раздосадован и предпринял последнюю попытку убедить дочь:

— Ты знаешь, дорогая Изидора, я никогда не стану выдавать тебя замуж против твоей воли, но если бы ты захотела сделать мне приятное, то согласилась бы изредка принимать у себя мистера Стикмана. Я уверен, что, узнав его получше, ты избавишься от некоторых предубеждений против него.

— Бесполезно, папа, — холодно отрезала девушка. — Я видела мистера Арнольда Стикмана достаточно часто, чтобы составить о нём своё мнение…

Разговор внезапно прервала миссис Мак-Барлотт, вихрем ворвавшаяся в оранжерею. На шотландке не было лица, а в руке она потрясала номером главной местной газеты — «Джорджелл-Сити Эдвертайзер».

— Что случилось? — спросила мисс Изидора, никогда ещё не видевшая свою верную компаньонку в таком состоянии.

— Это ужасно! Неслыханно! Прочтите…

Фред Джорджелл выхватил номер «Эдвертайзера» и побледнел как смерть, увидев шапку, напечатанную огромными буквами:

ВТОРОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ДЖОРДЖЕЛЛ-СИТИ
УБИЙСТВО ДОСТОПОЧТЕННОГО АРНОЛЬДА СТИКМАНА

Несмотря на всю свою выдержку, он дрогнувшим голосом прочёл следующую статью, помещённую на первой полосе местной газеты:

«Гнусное убийство повергло в ужас наш мирный и трудолюбивый город: минувшей ночью достопочтенный Арнольд Стикман был убит и ограблен. Никаких улик, позволяющих надеяться на поимку преступников, не обнаружено. Напомним, что за последний месяц это уже второе убийство в Джорджелл-Сити, совершённое при столь же таинственных обстоятельствах.

Вот факты во всей их жуткой загадочности:

Несчастный Арнольд Стикман весело провёл вечер в «Клубе Чёрного Боба» в кругу своих друзей; он даже выиграл в баккара и в бридж весьма крупную сумму; именно это обстоятельство, несомненно известное убийцам, и послужило причиной его гибели. Весьма удачливый в игре, мистер Стикман довольно неосторожно хвалился своими выигрышами. Всем было хорошо известно, что злополучный король Моды всегда носил в бумажнике множество банкнот.

Выйдя из клуба, мистер Арнольд Стикман, как обычно, сел в свой автомобиль; было около двух часов ночи. По словам шофёра, доверенного слуги — чьи показания, впрочем, будут тщательно проверены, — примерно на полпути между клубом и отелем «Чикаго», где остановился мистер Стикман, машина сломалась.

У молодого миллиардера не хватило терпения ждать окончания ремонта.

— Возвращайтесь в отель без меня, — сказал он шофёру, — погода прекрасная, и мне будет приятно пройтись немного пешком и выкурить сигару.

Как известно, Джорджелл-Сити состоит из двух основных частей, разделённых низинной болотистой лощиной, ещё поросшей кустарником; по ней бежит ручей, через который временно перекинут деревянный мост. Чуть дальше, выше по течению, построены электростанции, снабжающие наш город светом и энергией; ими с таким знанием дела руководит инженер Гарри Дорган. Именно это место, совершенно безлюдное в столь поздний час, предстояло пересечь Арнольду Стикману, чтобы добраться до той части города, где расположен отель «Чикаго».

Ночь прошла, а мистер Стикман так и не вернулся; встревоженный не на шутку директор отеля немедленно отправил на его поиски двоих негров и старшего управляющего.

Они довольно быстро отыскали тело несчастного: оно лежало в нескольких метрах от проезжей дороги, под кустом — вот почему шофёр, возвращаясь в отель после починки машины, его не заметил.

На теле не было никаких следов насилия, кроме небольшого черноватого пятнышка сзади на шее. Бумажник, туго набитый банкнотами, исчез, зато в кармане брюк обнаружили крупнокалиберный браунинг, которым жертва не успела воспользоваться.

Вскрытие, незамедлительно произведённое доктором Корнелиусом Краммом при содействии доктора Фиц-Джеймса, как и следовало ожидать, не дало никаких определённых результатов: в то время как доктор Крамм обнаружил признаки полнокровия мозга, доктор Фиц-Джеймс отметил характерное разрушение тканей, наблюдаемое главным образом при поражении электрическим током. Оба предположения представляются одинаково несостоятельными.

Наберёмся смелости признать: мы имеем дело с преступником, который вооружился новейшими достижениями науки и убивает своих жертв, не оставляя следов. Если власти не примут самых решительных мер, нам следует ожидать череды злодеяний, которые оставят далеко позади мрачные подвиги Тропмана и Джека Шеппарда[16].

---

[16] Жан-Батист Тропман (1849–1870) — французский преступник, в 1869 году зверски убивший под Парижем семью Кинк из восьми человек. Джек Шеппард (1702–1724) — знаменитый лондонский вор и взломщик XVIII века, прославившийся

Одно обстоятельство не ускользнуло от внимания многих: электрический свет этой ночью погас, и его не было около получаса. Вне всякого сомнения, преступление было совершено именно под покровом этой благодатной для злодеев темноты».

Фред Джорджелл выронил номер «Эдвертайзера»; он был совершенно подавлен.

— Ничья жизнь здесь больше не в безопасности, — пролепетал он. — Бедняга Стикман ещё позавчера был весел и полон сил, мы так спокойно беседовали!..

Мисс Изидора была глубоко взволнована.

— Право слово, — прошептала она, — я раскаиваюсь, что порой подшучивала над вычурными нарядами этого несчастного.

Несколько мгновений царило тягостное, тревожное молчание. В этой таинственной гибели было что-то леденящее душу.

Тем временем миссис Мак-Барлотт подняла брошенный Фредом Джорджеллом номер «Эдвертайзера» и рассеянно пробегала его глазами.

Сразу за статьёй, которую мы только что привели, был помещён портрет Стикмана, а затем его биография и перечень его капиталов и паёв в различных трестах.

— Вот любопытная заметка в разделе последних известий, — сказала шотландка.

И она прочла:

«Муниципалитет Джорджелл-Сити расклеивает в эти минуты объявление, сулящее награду в десять тысяч долларов тому, кто обнаружит виновников обоих таинственных преступлений. Не будем забывать, что несколько недель назад Пабло Эрнандес погиб при точно таких же обстоятельствах. Если череда этих безнаказанных убийств продолжится, они могут поставить под серьёзную угрозу будущее нашего молодого города и отпугнуть от него — быть может, навсегда — как капиталистов, так и рабочих. Отцы нашего города поняли, что необходимо принять строгие меры. Из Чикаго уже вызван один из самых искусных сыщиков. Можно не сомневаться, что благодаря его проницательности расследование в самом скором времени приведёт к поимке убийцы».

Шотландка едва успела дочитать, как вошёл Барух; он тоже только что узнал об убийстве и держал в руке номер газеты.

— Это ужасно, — произнёс он, садясь рядом с сестрой.

И волнение его, несомненно, было неподдельным, ибо лицо у него стало мертвенно-бледным.

— Что вы об этом думаете? — спросил его Фред Джорджелл.

— Право, отец, я, как и все, теряюсь в догадках. И всё же мне кажется, есть способ напасть на след преступников. Существует старинное юридическое изречение: «Ищите, кому выгодно преступление». Быть может, тщательное расследование помогло бы выяснить, кто из его врагов был более всех заинтересован в его смерти.

— У Арнольда Стикмана не было врагов, — возразил миллиардер.

— В таком случае это ещё более удивительно.

Барух поднялся.

— Я вас оставлю, — сказал он, — пойду узнаю, нет ли новостей.

И он торопливо вышел.

Не успел он сделать и нескольких шагов по улице, как столкнулся с Фрицем Краммом, торговцем редкостями. Оба раскланялись и обменялись несколькими любезными фразами.

— Как кстати, — сказал Барух, — я как раз шёл к вам.

— Надо же, какое совпадение, — ответил Фриц, — мне тоже нужно перекинуться с вами парой слов. Представьте себе, среди ценных бумаг, которые вы передали мне некоторое время назад, оказалось несколько таких, что совершенно невозможно сбыть.

дерзкими побегами из тюрем. — Примеч. пер.

— Что же вы с ними сделаете?

— Да ничего. Я их сжёг, и, что поделаешь, для меня это чистый убыток.

— Понимаю. На какую сумму?

— На пятнадцать тысяч долларов.

— Я сейчас же вам их возмещу. Зайдёмте к вам, если не возражаете.

— Вижу, мы понимаем друг друга с полуслова, превосходно.

Они вошли в салон торговца картинами, и Барух тут же выложил на письменный стол пятнадцать купюр по тысяче долларов каждая.

— Вот странно, — сказал Фриц, разглядывая банкноты, — они совсем новенькие и даже надушенные. Арнольд Стикман держал в своём бумажнике только такие, это была одна из его причуд.

— Я знаю, — не моргнув глазом, ответил Барух, — но я немало их у него выиграл.

— Берегитесь, — процедил сквозь зубы Фриц, — как бы вам в этой игре в конце концов не проиграться.

И так как собеседник его хранил молчание, он добавил:

— Вы знаете, что из Чикаго выписывают необычайно ловкого сыщика?

— Да, я читал об этом в «Эдвертайзере», но сильно сомневаюсь, чтобы он был так ловок, как о нём твердят.

— Советую вам быть осторожнее.

На этом они расстались, и Барух отправился в «Клуб Чёрного Боба», где присоединил свои сетования к скорбным речам постоянных партнёров Арнольда Стикмана.

Прошла неделя, а следствие не продвинулось ни на шаг. Тщетно искали у Стикмана врагов — у него были одни лишь друзья. По уверениям Баруха, исподтишка распускавшего этот слух, только один человек мог желать смерти короля Моды, и этим человеком был Гарри Дорган: как и Стикман — это знали все, — он был без памяти пленён чарами мисс Изидоры. Но Гарри пользовался всеобщим уважением, и никто не принимал всерьёз этот чудовищный навет.

Глава VI. Кровавая полоса

Приезд в Джорджелл-Сити мистера Кёрмера, сыщика, выписанного из Чикаго за немалые деньги, был обставлен глубочайшей тайной. Хотели, чтобы он мог вести расследование без всяких помех, а главное — не вспугнув убийцу.

Мистер Кёрмер, маленький, бледный и тщедушный человечек с озабоченным видом, остановился в самой скромной гостинице города, назвавшись коммивояжёром по торговле кожами и шкурами — эту выдумку, впрочем, вполне подтверждали два саквояжа, набитых образцами.

Чтобы окончательно отвести подозрения от своей истинной профессии, он обошёл главных городских торговцев и даже заключил несколько сделок, что, по его словам, побуждало его задержаться в Джорджелл-Сити подольше.

Но, безупречно разыгрывая роль коммивояжёра, он в то же время собирал сведения. Под предлогом того, что он человек приезжий, он больше пятидесяти раз выслушал от разных людей историю таинственных убийств на «Кровавом Крике» — ведь именно так после гибели Арнольда Стикмана окрестили небольшой ручей в долине.

Вскоре сыщику, при всей его искушённости, пришлось признать, что он натолкнулся на непроницаемую тайну. Больше всего ему досаждало то, что ценные бумаги, похищенные у Пабло Эрнандеса, обнаружились в Сент-Луисе у вполне почтенных негоциантов, которые купили их спустя несколько дней после преступления, ещё до того, как на бумаги был наложен запрет. Те же, кто их продал, исчезли бесследно.

Что же касается новеньких надушенных банкнот Арнольда Стикмана, мистер Кёрмер видел их в руках у многих горожан, но никаких догадок на этом построить не смог. Король Моды так крупно играл в «Клубе Чёрного Боба» и так широко сорил деньгами по всему городу, что его купюры вполне естественно разошлись повсюду.

Мистер Кёрмер отправился к доктору Корнелиусу за сведениями о вскрытиях; он назвал своё имя и должность и был принят наилучшим образом. Доктор даже любезно показал ему фотографии трупов и частицы внутренностей, заспиртованные в банках.

— Полагаю, мистер Кёрмер, — сказал он, — вам будет весьма нелегко пролить свет на эту кровавую загадку. Ни я, ни мой коллега доктор Фиц-Джеймс, помогавший мне при втором вскрытии, не обнаружили ни малейших следов яда. С другой стороны, на телах нет никаких признаков насилия.

— А чёрные пятна сзади на шее?

— Ума не приложу, как их объяснить. Похожие отметины иногда остаются у людей, поражённых молнией; к тому же в мозгу и нервной системе наблюдаются поражения, сходные с последствиями апоплексического удара или прилива крови к мозгу. Пришлось бы допустить существование некоего молниеносного яда, не поддающегося химическому анализу.

Излагая факты со всей точностью, Корнелиус провёл сыщика через такой лабиринт предположений, что тот остался в том же неведении и такой же растерянности, с какими переступил порог.

Прежде чем гость удалился, доктор спросил мистера Кёрмера, каково его собственное мнение об этом деле.

— Я полагаю, — ответил сыщик, не желавший из профессионального самолюбия ударить в грязь лицом, — что мы имеем дело с весьма могущественной и отлично организованной шайкой злодеев, в чьих руках оказалось новое, ужасное орудие убийства. По-моему, это мгновенный и не оставляющий следов яд, которым стреляют издали при помощи маленьких дротиков; от их соприкосновения с кожей и остаётся чёрное пятно на шее жертв.

— Весьма остроумно, — заметил Корнелиус, — но это ещё нужно доказать.

— Я постараюсь доказать. Впрочем, я уверен, что рано или поздно сцапаю убийц.

— Каким же образом?

— Я подметил одну вещь: они никогда не нападают на людей без денег. Всем известно, что у меня их нет, так что я могу без всякой опаски бродить в окрестностях «Кровавого Крика», и у меня уже есть свой план…

— На вашем месте я бы на это не полагался, — спокойно промолвил Корнелиус.

Никто так и не узнал, в чём состоял план бедного сыщика. Два дня спустя мистера Кёрмера нашли мёртвым на берегу «Кровавого Крика»; на шее трупа чернело роковое пятно, а искажённые судорогой черты лица всё ещё выражали нечеловеческий ужас.

На сей раз в Джорджелл-Сити поднялась настоящая паника. С наступлением темноты никто больше не отваживался переходить проклятую лощину.

Несмотря на все предосторожности, публика узнала, что убитый был сыщиком: газеты напечатали его портрет, а чикагское управление полиции, извещённое об обстоятельствах гибели агента, наотрез отказалось прислать ему замену.

Эта смерть стала сущим бедствием для молодого города. Несколько спекулянтов сбыли за бесценок свои участки и постройки и бежали прочь. Даже рабочие — немцы, итальянцы, ирландцы — покидали проклятый город. Рождались легенды. Уверяли, будто по берегам «Кровавого Крика» бродит скелет с огненным мечом в руке; его будто бы видели скачущим и дико кривляющимся под деревьями в лощине.

Джорджелл-Сити грозил опустеть, ещё не успев отстроиться. Напрасно перепуганный муниципалитет сулил награды и каждый час высылал в дозор полисменов. Удар был нанесён. На сто с лишним миль вокруг Джорджелл-Сити прослыл городом призраков.

Мисс Изидора была в отчаянии; что до Баруха, то, напустив на себя лицемерную скорбь, он в душе ликовал, видя, какие трудности постигли отцовское начинание, и твёрдо решил сделать всё возможное, чтобы их усугубить. Из осторожности он теперь лишь изредка играл в «Клубе Чёрного Боба», зато вложил свои средства в горнопромышленное предприятие — не слишком доходное, но надёжное — и уже успел получить весьма солидные дивиденды.

В суматошной и лихорадочной жизни американцев месяц тянется словно век. По прошествии этого срока загадочные убийства на «Кровавом Крике» стали уже понемногу забываться. Рабочие и спекулянты толпами возвращались обратно. Можно было подумать, что необъяснимый кровавый кошмар наконец-то миновал.

И вдруг произошло четвёртое таинственное преступление:

Один французский банкир, путешествовавший ради удовольствия и оказавшийся в городе проездом, был представлен в «Клубе Чёрного Боба». Он сыграл несколько партий, довольно неосторожно выставил напоказ банкноты, но удалился очень рано. На следующее утро в проклятом месте нашли его обобранный до нитки труп. Позже выяснилось, что члены «Клуба Чёрного Боба», не желая порочить «свой город», сочли лишним предупредить француза о страшной опасности, грозившей всякому, кто вздумает пересекать «Кровавый Крик».

На этот раз разразилась настоящая паника — началось повальное бегство доброй трети жителей, если не больше, в соседние штаты. Отныне сомнений не оставалось: Джорджелл-Сити — город проклятый, непригодный для жизни. Основатель его был в совершенном и вполне понятном отчаянии. Он не пожалел бы и ста тысяч долларов, лишь бы изловить бандитов и навсегда избавить город от этого смертоносного наваждения.

И всё же Фред Джорджелл мужественно держался перед лицом бури. Сокращение дивидендов не мешало ему по-прежнему часто устраивать пышные празднества. Во время одного из таких приёмов, поводом к которому послужило представление пантомимы с клоунами и акробатами, мисс Изидора и Гарри Дорган, не видевшиеся уже довольно давно, неожиданно столкнулись лицом к лицу на повороте парковой аллеи, как всегда роскошно иллюминированной.

Они сердечно поприветствовали друг друга; оба были счастливы оказаться вдвоём, вдали от докучливых глаз. Они едва завели беседу, как резкие голоса, зазвучавшие совсем рядом, заставили их умолкнуть. По ту сторону куста мимозы, возле которого они остановились, несколько гостей без всякого стеснения делились своими мыслями.

Разумеется, речь шла о недавних убийствах.

— При всём при том, — скрипучим голосом вещал один из них, — настоящего расследования никто так и не провёл; следовало бы поискать того — а по мне, он тут один, — кому все эти преступления пошли на пользу.

— Пустая болтовня, — отозвался другой.

— Позвольте, — вмешался третий, — я знаю кое-кого, кому смерть Арнольда Стикмана оказалась весьма кстати…

— Кто же это, скажите на милость?

— Да помилуйте! Молодой Гарри Дорган, который, говорят, в самых лучших отношениях с мисс Изидорой. Останься король Моды в живых, на прелестной мисс женился бы именно он — отец уже принял его предложение, я знаю это из верного источника.

— Неужели же вы, — возразил первый собеседник, — станете бросать тень подозрения на этого честного молодого человека?

— Я никого не подозреваю, я лишь отмечаю факт — странное совпадение, только и всего…

Гарри поспешил увести мисс Изидору подальше от этих злоязычных пустомель.

— Вы слышали их? — спросил он, вспыхнув от гнева.

— Какой позор! — прошептала взволнованная девушка. — Подобная клевета слишком низменна, чтобы задеть вас или меня. Не будем больше о ней думать.

— Нет, я буду думать, и очень много. Эти люди помогли мне понять: раскрыть тайну «Кровавого Крика» — мой долг, и только мой. Отныне у меня не будет иной цели.

— Сделайте это, дорогой Гарри, постарайтесь добиться успеха, — прошептала она голосом, дрожащим от нежности. — Я буду помогать вам, буду воодушевлять вас всеми силами.

— Вы и сами знаете, чем могли бы по-настоящему меня ободрить.

Щёки мисс Изидоры зарделись, она опустила глаза.

— Тс-с, — прошептала она, — не будем об этом. Вы же знаете, отец ни в чём не откажет человеку, который избавит его город от убийц.

— А вы?

— А я, — улыбнулась она, — исполню волю отца. Разве не должна я слушаться его во всём?

Очаровательным жестом она протянула ему свои тонкие белые руки. Гарри Дорган осыпал их страстными поцелуями; он был вне себя от счастья.

— Не удивляйтесь, мисс Изидора, — сказал он, прощаясь, — если я некоторое время не буду вам показываться. Для успеха дела, за которое я берусь, почти необходимо, чтобы все думали, будто мы охладели друг к другу или даже окончательно поссорились.

— Я сделаю всё, что вы пожелаете, — ответила девушка с прелестной покорностью. — До свидания, Гарри.

— До свидания, дорогая Изидора.

Покинув дворец Фреда Джорджелла, Гарри Дорган поспешил на электростанцию, рядом с которой стоял его коттедж. Прежде чем лечь спать, он пошёл проверить свои машины. Исполинские динамо-машины гудели ровно и мерно, сторожа находились на своих постах.

Когда он пересекал сад, отделявший коттедж от станции, к нему подошёл старый краснокожий, которого все запросто звали стариком Клумом и которого Гарри взял к себе на службу.

Старик Клум уже много лет как отказался от наряда своих отцов. Он не носил ни убора из орлиных перьев, ни ожерелья из зубов гризли; одет он был скромно — в синюю холщо-

вую блузу, испачканную машинным маслом; лицо его, дублёное, точно старая баранья кожа, и такого же цвета, бороздили длинные поперечные морщины, а в ушах поблёскивали два маленьких золотых кольца. Рабочие электростанции нередко подшучивали над ним за то, что он уверял, будто сохранил удивительную проницательность своих предков — охотников за скальпами.

Случалось, что и сам Гарри Дорган спрашивал старика Клума, как же это при своём чутье апача он до сих пор не выследил убийцу с «Кровавого Крика».

Клум, слепо преданный инженеру, в ответ лишь молча улыбался.

— Ну что, — обратился к старику Гарри, — сегодня принесёшь мне скальп таинственных разбойников?

— Нет, хозяин, — с виноватым видом ответил Клум, — но я всё же сделал важное открытие, до которого пока никто не додумался.

— Какое же?

— А вы приметили одно обстоятельство? Всякий раз, как случалось преступление, в целой части города надолго или ненадолго гас электрический свет. Убийца, должно быть, сам выключает его перед тем, как пойти на дело. Знать бы только, как он это устраивает!..

Слова краснокожего стали для Гарри Доргана настоящим озарением. Он поражался, как сам раньше не обратил внимания на столь простую вещь. Многое из того, что прежде казалось необъяснимым, вдруг прояснилось.

— Спасибо, старик Клум! — взволнованно сказал он. — Твоя мысль, пожалуй, дельная, я над ней поразмыслю. Держи, вот тебе доллар за труды.

И он вошёл в коттедж, целиком поглощённый новыми догадками, на которые натолкнуло его замечание индейца.

Теперь в непроглядном мраке тайны для него забрезжили ясные проблески. Обстоятельства, которым он поначалу не придавал значения, предстали в своём истинном свете. Он вспомнил, что в ту самую ночь, когда убили сыщика мистера Кёрмера, целый район Джорджелл-Сити внезапно остался без света. Даже клепальщики, заканчивавшие сборку стального каркаса на пятнадцатом этаже, в одно мгновение погрузились во тьму и чуть было не сорвались в пустоту.

Между тем вся аппаратура работала безупречно, Гарри Дорган был твёрдо уверен, что в машинах и оборудовании нет ни малейшей неисправности. Чем же тогда объяснить перебои?

Несомненным и неоспоримым оставалось одно: каждый раз, когда гас электрический свет, в ту же ночь совершалось преступление. Между этими событиями существовала прямая связь.

— Нет никаких сомнений, — заключил инженер, — все жертвы загадочного злодея погибли от удара током. Чёрное пятно у них на шее — не что иное, как ожог от электрического разряда. Самое главное мне уже известно, остаётся лишь выяснить, как именно действует убийца. И я это узнаю!

За дело Гарри Дорган взялся на следующий же день.

Прежде всего он решил усыпить бдительность тех, кому могло быть выгодно следить за каждым его шагом. Какое-то смутное чутьё подсказывало ему, что убийцы с «Кровавого Крика» принадлежат к кругу его знакомых; нужно было отвести их подозрения.

Как Гарри и предупреждал мисс Изидору, он резко прекратил визиты во дворец миллиардера, и вскоре разнеслась весть, что он тяжело заболел. Правду знала одна лишь Изидора: старик Клум принёс ей короткую записку.

Напоказ, чтобы прислуга могла пересказывать всё виденное, Гарри не выходил из комнаты, рано ложился в постель, кашлял и жаловался на недомогание; но стоило всем уснуть, как он одевался, брал оружие и отправлялся на разведку среди развалин и пустырей с перелесками, окружавших злополучную лощину.

Порой он часами сидел в засаде за кучами угля, под кустом или за штабелем стальных балок. Несколько ночей подряд он повторял эти вылазки, но не обнаружил ничего нового; на рассвете он возвращался домой в бешенстве, измученный, по самые плечи перемазанный грязью, не увидев ничего, кроме заурядных пьяных драк.

И всё же он был уверен в своей правоте. Доктор Фиц-Джеймс, которого Гарри ловко выспросил, лишь подтвердил его догадку, повторив, что внутренние повреждения, обнаруженные у жертв, точь-в-точь совпадают с теми, что бывают при поражении электрическим током.

Гарри Дорган, взбешённый тем, что ничего не удаётся выяснить, когда успех казался таким близким, впал в состояние раздражения и нервозности, граничившее с неврастенией. Желание схватить убийцу превратилось у него в навязчивую идею, стало настоящим наваждением.

И всё-таки он сделал шаг вперёд в своём расследовании. Ему открылось, почему на жертв всегда нападали вблизи «Кровавого Крика», неподалёку от моста. Именно там разветвлялся толстый металлический кабель, который тянулся от электростанции и расходился на две ветки: одна освещала восточный район Джорджелл-Сити, другая — западный.

Очевидно, именно от одного из этих кабелей убийца и брал электрический ток, которым поражал свои жертвы. Но даже после этого открытия дело продвинулось ненамного: Гарри попрежнему не понимал, как именно орудуют преступники.

И всё же это наблюдение сослужило добрую службу: оно позволило сузить область слежки до совсем небольшого участка. Как раз в нескольких метрах от деревянного моста рос вековой кедр, чья густая крона служила удобным наблюдательным пунктом.

Каждый вечер, убедившись, что в комнатах прислуги в коттедже потушены все огни, Гарри опускал в карман грозный тринадцатизарядный револьвер со стальными пулями[17], бивший на сто пятьдесят метров почти с точностью карабина, затем прокрадывался в темноте к стволу кедра, осторожно взбирался на дерево и целыми часами лежал, распластавшись на одной из толстых ветвей, надёжно укрытый хвоей.

Однако недели шли за неделями, не принося никаких плодов, и ему приходилось призвать на помощь всё своё терпение, чтобы не бросить трудное предприятие, за которое он взялся.

Бывали часы уныния, когда он задавался вопросом: не проведали ли убийцы тайком о его замысле и не смеются ли теперь над ним, нарочно воздерживаясь от новых злодеяний, пока он не выбьется из сил и не оставит слежку?

Именно в таком расположении духа он и отправился на свой обычный пост в одну безлунную ночь, когда тьму ещё больше сгустил плотный туман, приплывший с болот.

Прошло два часа. Затёкший от неудобной позы и вынужденной неподвижности, Гарри начал поддаваться неодолимой дремоте. Глаза его уже слипались, как вдруг он вздрогнул: в нескольких шагах от него раздался сухой металлический стук.

Этот слабый звук в ночной тишине мигом прогнал сон; Гарри насторожился, стараясь ничего не пропустить. Пальцы судорожно сжали рукоять револьвера — он был готов в любую секунду соскользнуть по стволу вниз и броситься вперёд.

Туман немного рассеялся, и Гарри Доргану почудилось, будто в кустах шевелятся какие-то тени.

Он замер в ожидании; сердце гулко колотилось в груди.

Он понимал, что разгадка близка.

Прошла минута — пока ничего.

Наконец на трухлявых досках моста зазвучали шаги.

---

[17] Во французском обиходе начала XX века словом «револьвер» часто называли и многозарядные самозарядные пистолеты со сменной обоймой. — Примеч. пер.

Слегка пошатываясь, словно навеселе, приближался какой-то человек. Под мышкой он держал огромный портфель из красного сафьяна. Скорее по силуэту, чем по чертам лица, плохо различимым в темноте, инженер узнал некоего мистера Стюарта, инспектора земельных синдикатов, одного из важных лиц нового города, с которым не раз встречался в «Клубе Чёрного Боба».

Мистер Стюарт с трудом перебрался через мост: его то и дело заносило вправо и влево, и он казался мертвецки пьяным. И впрямь, надо было здорово хватить лишнего, чтобы избрать такую дорогу, ведь Гарри Дорган не раз слышал, с каким жаром Стюарт говорил о своём ужасе перед убийцами-призраками с «Кровавого Крика».

В тот же миг все электрические фонари, освещавшие западный район Джорджелл-Сити, погасли. Половина города погрузилась во мрак.

Глаза Гарри Доргана готовы были выскочить из орбит, на лбу выступил ледяной пот — он смотрел вниз, обезумев от ужаса.

Он хотел крикнуть, предупредить несчастного пьяницу, который, пошатываясь, шёл навстречу смерти, но от мучительного волнения горло перехватило, и он не смог издать ни звука.

Он попытался соскользнуть с кедра, но руки и ноги сковал невыразимый страх.

Тем временем мистер Стюарт добрался до противоположного берега Крика.

Он сделал шаг вперёд — и вдруг из глубины мрака метнулась тень.

Мистер Стюарт испустил душераздирающий вопль. На секунду его лицо озарилось голубоватым ореолом, и он рухнул на землю. Убийца уже завладел его портфелем и шарил у него по карманам. Всё произошло с такой быстротой, что Гарри Дорган остолбенел. Одно движение — и жертва повалилась как подкошенная, не успев даже закончить свой последний предсмертный крик.

Но сам ужас увиденного вывел Гарри Доргана из невольного оцепенения. В мгновение ока к нему вернулись вся ясность ума и хладнокровие.

Одним прыжком он очутился на земле и наугад выстрелил из револьвера в убийцу.

Вспышка выстрела выхватила из темноты высокого мужчину, чьё лицо скрывала маска из латунной проволочной сетки с большими очками, вроде тех, какие носят некоторые авиаторы.

Он выстрелил во второй раз, но преступник уже что было духу мчался к ближайшей рощице.

Гарри Дорган яростно пустился за ним в погоню, паля без передышки, пока не выпустил все тринадцать патронов своего револьвера. Он приостановился лишь на миг, чтобы быстро перезарядить его, и снова бросился следом.

Убийца летел точно на крыльях, и всё же мало-помалу терял преимущество: бег замедляла тяжесть портфеля, который он не выпускал из рук.

Внезапно человек в маске остановился и быстро нагнулся. Прежде чем Гарри успел разгадать его манёвр, ему по ногам ударил тяжёлый обрубок стальной балки. Дорган покатился по земле; голени и колено ушибло так больно, что на миг он испугался, не сломана ли нога.

Лишь с великим трудом ему удалось подняться. Сильно хромая и цепляясь за стволы деревьев и дощатые заборы, чтобы не упасть, он едва передвигал ноги — каждый шаг отзывался пронзительной болью. Тем временем убийца скрылся в стороне западного района города.

Инженер пострадал так сильно, что по пути к своему коттеджу несколько раз едва не лишился чувств. Когда же ценой мучительных усилий он наконец добрался до дома, подача тока уже возобновилась, и яркий свет круглых электрических фонарей, как и каждый вечер, окутывал сверкающей дымкой высокие здания западных кварталов Джорджелл-Сити.

— Мерзавцы!.. — пробормотал он.

Силы окончательно оставили его. Он упал без памяти на нижние ступеньки лестницы, которая вела в его комнату. Там-то наутро и нашли его слуги.

Как установил спешно вызванный доктор Фиц-Джеймс, перелома у Гарри не оказалось, но ушибы были настолько серьёзными, что ему пришлось пролежать в постели две недели. Впрочем, о своём ночном приключении он никому не обмолвился ни словом: хотел, чтобы убийцы решили, будто он молчит из страха перед местью.

Едва встав на ноги, он сразу отправился к Фреду Джорджеллу и долго, с глазу на глаз, беседовал с ним.

Глава VII. Трагическая ночь

Инженер Гарри Дорган уже давно не появлялся в обществе. Ходили слухи, будто он сломал ногу, поскользнувшись на одной из железных лестниц у машин. Лечивший его доктор Фиц-Джеймс подтвердил это, заявив, что инженеру предстоит пролежать без движения в гипсе ещё по меньшей мере три недели.

На самом же деле Гарри Дорган совершенно поправился и готовил месть.

Примерно в это время окружающие заметили, что привычки Фреда Джорджелла разительно переменились. Поговаривали с улыбкой, будто он помолодел. Всегда такой серьёзный, вечно погружённый в расчёты, теперь он почти каждый вечер проводил в «Клубе Чёрного Боба», играл по-крупному, пил не просыхая и поражал даже самых отчаянных здешних кутил своим остроумием и задором.

Утверждали, будто миллиардер, потерявший огромные суммы при основании Джорджелл-Сити, просто пытается забыться и что разорение его не за горами.

К тому же он без стеснения заговаривал об убийствах у «Кровавого Крика», нанёсших такой ощутимый ущерб его предприятию, но, к всеобщему изумлению, теперь уверял, будто никаких убийств вообще никогда не было: все погибшие, мол, были трусами да пьяницами — накачались виски и шампанским так, что уже не держались на ногах, вот их и хватил удар.

В этих бессвязных речах никто уже не узнавал прежней рассудительности и здравого смысла миллиардера; дошло даже до толков, будто денежные потери совсем помутили ему рассудок. Насмешники немало удивились бы, узнай они, что, говоря и поступая так, Фред Джорджелл лишь в точности выполнял план, тщательно разработанный вместе с Гарри Дорганом.

Однажды вечером — как раз в годовщину гибели несчастного Пабло Эрнандеса — миллиардер был особенно весел; он сыграл не одну партию и под конец сорвал банк; шампанское экстра-драй лилось рекой. Это был один из тех блестящих вечеров, каких в клубе почти не видели со времён исчезновения элегантного Арнольда Стикмана. Фред Джорджелл выиграл столько банкнот, что они уже не помещались в бумажнике, и ему пришлось рассовать их по всем карманам.

Разговор, как и следовало ожидать, зашёл об убийствах у «Кровавого Крика».

— А я вам говорю, — воскликнул Фред Джорджелл, — нет в нашем городе никаких убийц, и я настолько в этом уверен, что готов побиться об заклад…

Воцарилась глубокая тишина — присутствующие насторожились и с живым интересом ждали продолжения.

— Так вот, я ставлю пятьдесят тысяч долларов, — продолжал миллиардер, довольный произведённым впечатлением, — на то, что сегодня же вечером вернусь домой один, пешком, через «Кровавый Крик», со всеми банкнотами, что лежат у меня в карманах.

На мгновение все остолбенели.

— Это безумие! — зашептались игроки. — Нельзя ему позволять! — Это было бы преступлением! — Он перебрал экстра-драя! — Он рехнулся…

— Значит, — медленно произнёс миллиардер, — никто не принимает пари?.. Так и порешим?

— Никто, — возразил оказавшийся тут же доктор Корнелиус. — То, что вы затеяли, — верх опрометчивости. Никто не хочет становиться соучастником такого безумия!

Как ни увещевал его доктор при всеобщем одобрении, Фред Джорджелл остался непреклонен.

— Ну что ж, — сказал он, — раз никто не хочет держать со мной пари, я всё равно пройду — и притом один — через лощину «Кровавого Крика».

— Позвольте нам хотя бы ехать за вами на автомобиле на некотором расстоянии, — предложил кто-то.

— Ни за что на свете! Предупреждаю: если кто-то вздумает провожать меня против моей воли, я сочту это недружественным поступком и порву всякие отношения с теми, кто на такое осмелится!..

Пришлось уступить этому безрассудному упрямству. Все знали, сколь властным и неукротимым нравом отличается миллиардер и как плохо всегда приходилось тем, кто смел идти ему наперекор.

Итак, он вышел из клуба с огромной сигарой в зубах, уверяя всех, как он рад славной прогулке на свежем воздухе. Члены клуба долго следили с террасы за его высокой фигурой, постепенно уменьшавшейся в глубине проспекта под резким светом электрических шаров.

Корнелиус под предлогом визита к больному вышел почти следом за Фредом Джорджеллом. В нескольких шагах от клуба он встретил направлявшегося туда Баруха; оба церемонно раскланялись.

— Вы в клуб? — спросил доктор.

— Да.

— Советую вам лучше прогуляться в сторону «Кровавого Крика». Туда сейчас направляется целый ворох банкнот.

Глаза Баруха вспыхнули алчным огнём.

— Причём тот, кто их несёт, слегка навеселе, так что…

Доктор не договорил.

— И как его зовут? — спросил Барух.

— Я не стану называть его имени. Пусть это будет для вас сюрпризом.

— Уж не Гарри ли Дорган?

— Ничего не скажу. Говорю же, узнаете сами.

И «скульптор человеческой плоти» удалился с дьявольским смехом.

Оставшись один, Барух несколько минут поколебался, затем повернул назад, подозвал автомобиль и велел довезти себя до последней трети проспекта, выходившего к дороге на «Кровавый Крик».

Пока его могли видеть из клуба, Фред Джорджелл шёл прямо по проспекту, но, убедившись, что за ним больше не наблюдают, свернул в переулок. Тот выводил к пустырю, посреди которого стояла дощатая лачуга. Миллиардер достал из кармана ключ и вошёл внутрь.

Несмотря на убогий внешний вид, внутри лачуга оказалась уютно обставлена. Миллиардер на ощупь отыскал свечу и зажёг её. Беспечное веселье и задор, которыми так восхищались завсегдатаи «Клуба Чёрного Боба», словно рукой сняло; теперь на его лице читались лишь глубокая скорбь и непреклонная решимость.

На столе посреди единственной комнаты лежал запечатанный конверт. Миллиардер вскрыл его и прочёл несколько слов, набросанных карандашом и подписанных «Г. Д.»:

«Я на посту, как и каждый вечер. Если вы решитесь прийти, не упустите ни одной из указанных мер предосторожности».

— Какой же верный и находчивый малый этот славный Гарри! — пробормотал он. — Выполню все его указания пункт за пунктом. Какой-то тайный голос кричит мне, что именно сегодня жертвы будут отомщены.

Фред Джорджелл выложил банкноты и небрежно бросил их в выдвижной ящик. Затем под одежду он надел подобие туники из металлической проволоки[18], защищавшей его с головы до ног, — такую носят рабочие на некоторых электростанциях, — а на голову натянул шлем,

[18] Прообраз экранирующего костюма, работающий по принципу клетки Фарадея: ток высокой частоты проходит по внешней проводящей сетке, не поражая тело. — Примеч. пер.

устроенный по тому же принципу. Приняв все эти меры, он так же тайком вышел из лачуги и твёрдым, решительным шагом направился к лощине «Кровавого Крика».

Подойдя к мосту, он счёл нужным придать себе слегка неуверенную походку пожилого джентльмена, который сверх меры отдал должное кларету и экстра-драю.

Едва он ступил на противоположный берег, как из темноты вырос рослый человек с занесённой дубинкой. Не успел миллиардер приготовиться к защите, как незнакомец совсем легко ударил его в шею, к счастью прикрытую проволочной туникой.

На миг Фреда Джорджелла окутал настоящий ореол электрического света. И хотя защитный панцирь уберёг его, встряску он всё же получил страшную.

— Ко мне, Гарри! — крикнул он.

Инженер, притаившийся за кустом в нескольких шагах оттуда, выскочил вперёд, сжимая в одной руке револьвер, а в другой — мощный электрический фонарь; его ослепительный луч выхватил из мрака Баруха Джорджелла, который с мертвенно-бледным лицом стоял напротив отца, замахнувшись на него странной дубинкой.

— Так это ты убийца с «Кровавого Крика»! — прогремел страшным голосом миллиардер. — Убейте его, Гарри, стреляйте! Этот мерзавец не заслуживает пощады!..

Потрясение оказалось слишком сильным для старика: голова его запрокинулась, руки взметнулись в воздухе, и он тяжело рухнул на землю без чувств, а может быть, и замертво.

— А теперь поквитаемся, негодяй! — грозно крикнул Гарри Дорган.

И медленно, хладнокровно взял на прицел убийцу, стоявшего всего в нескольких шагах от него.

— Один из нас двоих здесь и останется, — процедил Барух со злобной усмешкой, — а если это будешь ты, на тебя и спишут все эти маленькие казни током!

Гарри Дорган за какую-то секунду успел разглядеть, что за оружие сжимает Барух: это было металлическое яйцо со стеклянной рукоятью. От него тянулся гибкий и прочный провод, уходивший к распределительному столбу силового кабеля. Кольцо на конце кабеля, питавшего светом и энергией весь западный округ Джорджелл-Сити, было отцеплено, а на его место накинуто кольцо от провода, ведущего к дубинке. Стало быть, Барух обрушивал на своих жертв напряжение в несколько тысяч вольт.

Окинув всё быстрым взглядом, инженер мгновенно оценил грозившую ему опасность и торопливо нажал на спуск.

Барух резко пригнулся, и пуля просвистела у него над самым ухом.

Не успел Гарри выстрелить во второй раз, как убийца прыгнул на него и мёртвой хваткой стиснул ему запястье. Завязалась жуткая схватка при свете электрического фонаря, который, опрокинувшись в траву, продолжал гореть.

С самого начала инженер выронил револьвер, а Барух выпустил свою дубинку со стеклянной рукоятью. И вот рядом с телом Фреда Джорджелла началась звериная драка — оба вцепились друг в друга зубами и ногтями.

В какой-то миг Гарри Дорган почувствовал острые ногти Баруха, норовившего выцарапать ему глаз. Чтобы заставить его разжать руку, инженер что есть силы впился ему зубами в запястье.

Оба были перемазаны кровью.

Наконец Гарри страшным ударом ноги в живот отшвырнул врага на землю.

Барух остался лежать недвижим; инженер счёл себя победителем и глубоко перевёл дух. Он утёр сочившуюся из ран кровь и на несколько секунд присел на груду камней — до того обессиленный, что всё поплыло у него перед глазами и он чуть не лишился чувств.

Эта минутная слабость оказалась для него роковой.

Барух пострадал от удара куда меньше, чем показалось инженеру, но, очутившись на земле, притворился, будто потерял сознание.

А потом, воспользовавшись короткой передышкой, тихонько подполз к револьверу и завладел им.

И как раз в ту минуту, когда ничего не подозревавший Гарри пытался расстегнуть ворот рубашки, чтобы глотнуть воздуха, Барух набросился на него, опрокинул навзничь, придавил коленом грудь и приставил дуло револьвера к его виску.

Гарри Дорган ощутил холодный металл ствола на своей коже.

Он понял, что сейчас умрёт.

— Ага! — осклабился Барух. — Партия проиграна, пора платить по счетам, и все решат, что убийца — это ты! Ха-ха! Славная шутка!

Негодяй с жестоким наслаждением продлевал муки своей жертвы, то приближая дуло к лицу Гарри, то отводя назад. Но вдруг он вздрогнул: ему почудился какой-то шум вдалеке.

— Ну, довольно, — бросил он, — пора кончать!

И нажал на спуск.

Выстрела не последовало. Во время драки в механизм револьвера набился мелкий гравий и заклинил пружину.

Барух грязно выругался.

Он уже собирался прикончить Гарри каким-нибудь другим способом, как вдруг вскочил как ошпаренный и с бешеным воем бросился наутёк.

Он увидел отца, который, вооружившись электрической дубинкой, шёл прямо на него. Обморок миллиардера оказался недолгим. Очнувшись, старик заметил Гарри Доргана, распростёртого под коленом Баруха, и одного этого зрелища хватило, чтобы к нему мгновенно вернулись все силы.

Он поднялся на ноги и первым делом схватил дубинку. Его ожесточившееся сердце, в котором не осталось ни капли жалости, жаждало, чтобы недостойный сын принял ту же самую смерть, на которую обрёк столько жертв.

Барух пустился бежать сломя голову, куда глаза глядят, в каком-то паническом безумии перемахивая через живые изгороди и заборы.

Остановился он только у дверей доктора. Инстинкт затравленного зверя подсказывал ему, что здесь, быть может, удастся найти убежище.

Несмотря на поздний час, Баруха впустили в приёмную, но старый дворецкий-итальянец Леонелло, увидев перед собой человека с блуждающим взглядом, перемазанного кровью и грязью, многозначительно нахмурился.

— Доктора нет дома, — сухо промолвил он, — и я не знаю, когда он вернётся. Советую вам подождать до завтра.

Барух пробормотал что-то невнятное и побежал к Фрицу Крамму — это была его последняя надежда.

— Передайте, — бросил он отворившему дверь слуге, — что дело чрезвычайно важное.

— Вам повезло, г-н Фриц ещё не ложился.

И, окинув взглядом странный вид гостя, добавил:

— Месье, верно, попал в автомобильную аварию?

— Именно так, — подхватил Барух, на лету ухватившись за столь правдоподобную отговорку.

Через минуту его провели в картинную галерею.

Фриц Крамм несколько мгновений молча разглядывал его, а затем произнёс резко и ледяным тоном:

— Всё понятно: вы попались, вас преследуют, и вы явились прятаться ко мне.

Задыхаясь, путаными, отрывистыми фразами Барух поведал о драме, разыгравшейся — в который уже раз — на «Кровавом Крике».

— Мне следовало бы бросить вас на произвол судьбы, — сказал Фриц после паузы, — потому что вы никудышный растяпа. Когда затеваешь такие штуки, как нынче вечером, надо добиться своего, а иначе и браться нечего.

— Вы не можете оставаться безучастным к моему положению.

— Это ещё почему? — равнодушно отозвался торговец картинами. — Мои бухгалтерские книги в полном порядке. О ваших проделках я ничего не знал. Между нами нет ничего общего. Что бы вы ни наговорили против меня, скомпрометировать меня вам не удастся.

Фриц на некоторое время погрузился в раздумья. Барух в мучительной тревоге ждал, на что он решится.

— Послушайте, — вымолвил наконец Фриц Крамм, — так и быть, я помогу вам в последний раз. Пройдите в эту комнату, там найдёте во что переодеться. Как только будете готовы, мой автомобиль доставит вас на ближайшую станцию Чикагской дороги. Оттуда вы сможете добраться до Нью-Йорка и переправиться в Старый Свет. Постарайтесь хорошенько затаиться — вот мой вам совет.

И когда Барух, вне себя от волнения, принялся рассыпаться в благодарностях, он добавил:

— Да! Последнее напутствие, в ваших же интересах: не задавайте никаких вопросов шофёру и постарайтесь как можно меньше показывать ему своё лицо.

Четверть часа спустя неузнаваемый Барух Джорджелл, укутанный в длинное пальто и в широкополой ковбойской фетровой шляпе, садился в великолепный шестидесятисильный автомобиль, который на четвёртой скорости помчался по пустынным бульварам Джорджелл-Сити.

Через три четверти часа он уже садился в поезд на маленькой станции Огстрам, а два дня спустя в Нью-Йорке взошёл на борт парохода «Кайзер Вильгельм», отплывавшего в Шербур. Он был спасён.

Впрочем, в газетах не появилось ни единой новой заметки о таинственных убийствах в Джорджелл-Сити.

* * *

На следующий день после драмы, разыгравшейся на «Кровавом Крике», Фред Джорджелл, мисс Изидора и Гарри Дорган собрались в зимнем саду. Миллиардер счёл своим долгом открыть дочери всю правду. Всем троим предстояло решить, как поступить с Барухом.

Мисс Изидора горячо любила брата; поэтому, узнав о совершённых им злодеяниях, она разрыдалась и надолго потеряла сознание. Она проклинала злой рок, который распорядился так, что именно она попросила Гарри Доргана разыскать убийцу. Теперь она сидела рядом с отцом печальная и безмолвная, не смея поднять глаз на инженера.

— Что до меня, я своего мнения не переменил, — сурово произнёс миллиардер. — Барух — негодяй, и я сейчас же пойду к констеблю и дам показания: пусть полиция выследит убийцу, а суд приговорит его к смертной казни. Уж он-то как никто другой заслужил электрический стул.

— Отец, — взмолилась девушка, — оставьте же этому несчастному хоть возможность раскаяться и искупить свою вину. Я уверена, он творил эти преступления в припадке безумия. Его нужно запереть не в тюрьму, а в лечебницу для душевнобольных.

— Мисс Изидора права, — поддержал её Гарри Дорган. — Эти преступления так чудовищны, что не верится, будто их мог совершить человек в здравом уме. Подумайте к тому же о позоре, который падёт на ваше имя.

Миллиардер резко поднялся с места.

— Этот последний довод всё решает, — сказал он. — Я не хочу, чтобы Изидоре приходилось краснеть за брата-убийцу. Стало быть, мы сохраним в тайне всё, что произошло этой ночью. Я ведь могу на вас рассчитывать, г-н Дорган?

Вместо ответа молодой человек крепко пожал протянутую миллиардером руку.

— Что же касается «Кровавого Крика», — продолжал Фред Джорджелл, — я велю выстроить там несколько домов. Это поможет предать забвению дурную славу этого зловещего места. А что до моего сына, то я хочу жить так, словно его никогда и не было на свете; запрещаю когда-либо произносить его имя в моём присутствии.

С этими словами старик повернулся и стремительно вышел. Гарри Дорган и мисс Изидора остались вдвоём.

— Мистер Дорган, — проговорила девушка голосом, полным печали, — вы знаете, какое обещание я вам дала. Я сдержу слово, но должно пройти немало времени, прежде чем я смогу оправиться от сегодняшнего ужасного потрясения. Сейчас у меня слишком тяжело на душе, чтобы думать о счастье и верить, что оно возможно в будущем.

— Мне довольно и вашего обещания, — пробормотал Гарри прерывающимся от волнения голосом, — и это уже великое счастье для меня. Я буду ждать столько месяцев и даже лет, сколько потребуется.

— Благодарю вас, — просто сказала девушка. — Вот залог моего обещания.

И она подставила лоб, которого её жен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.